

Лора Бенитт

Сердце в пустыне

Лора Бекитт

Сердце в пустыне

«Литнет»

2024

Бекитт Л.

Сердце в пустыне / Л. Бекитт — «Литнет», 2024

У Хасана, чиновника, живущего в Багдаде во времена правления легендарного халифа Харун аль-Рашида, два сына — старший Амир, избалованный красавец, и младший Алим — ребенок от славянской наложницы, ненавидимый собственным братом. Их жизнь складывается по-разному. Амир соблазняет сироту Зюлейку и бросает ее ради невесты отца Джамили, а Алим становится единственным наследником Хасана. Ни братья, ни нашедшая приют у бедуинов пустыни Зюлейка, ни тоскующая по изгнаннику Амиру Джамиля не подозревают, насколько причудливо и непредсказуемо переплетутся их судьбы.

© Бекитт Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

788 год, Багдад, Аббасидский халифат[1]

Человеческая судьба — песчинка, а воля Аллаха — ветер, что несет ее по воздуху.

То, что случилось, когда Амиру исполнилось пять лет, он запомнил на всю жизнь. Эта на первый взгляд обыкновенная житейская история определила его будущее.

Мать мальчика, Зухра[2], чья внешность оправдывала имя, речи были сладки, как мед, а в сердце, как говорили ее служанки, устроили гнездо змеи, происходила из знатного персидского рода. Она была первой женой Хасана ибн Акбар аль Бархи, начальника главного почтового ведомства великого халифа Харун аль-Рашида[3].

Пять лет после замужества и четыре после рождения Амира своенравная, обладающая не по-женски твердым характером Зухра владела сердцем и помыслами мужа. На шестой разразилась трагедия, роковым образом изменившая ее жизнь: Хасан полюбил другую.

Многие халифы не гнушались любовью женщин невысокого происхождения: их сыновья и наследники были рождены от наложниц и рабынь. Потому не было ничего удивительного в том, что, увидев на невольничьем рынке девушку славянской народности с русыми волосами, голубыми с золотистыми искорками глазами и кожей, отливающей перламутровой белизной, словно морская раковина, багдадский чиновник Хасан был поражен в самое сердце. Он немедленно купил девушку, сделал своей наложницей, а впоследствии намеревался жениться на ней.

Ночь за ночью проводил Хасан с прекрасной светловолосой пленницей, позабыв о жене. Через год наложница родила мальчика, а спустя десять дней умерла: как говорили, от родильной горячки.

Хасан был неутешен. Он предложил Зухре заменить ребенку мать — она в гневе отказалась. Тогда он впервые ударил жену, ибо Пророк сказал: «Тех жен, непокорности которых вы боитесь, увещайте, и покидайте их на ложе, и ударяйте их».

Хасан не простил Зухре злобного ликования, которое она испытала после смерти соперницы. Позднее у него были другие наложницы, не брезговал он и рабынями. Но сердце Хасана окаменело в тот день, когда навсегда закрылись очи прекрасной невольницы, чье странное имя Млада никто не мог ни запомнить, ни правильно произнести.

В те тревожные дни Амир с удивлением узнал, какими разными оттенками чувств обладает человеческий плач: его слух тревожили горестные рыдания матери, тонкий, как звук свирели, писк новорожденного, глухие, по-мужски тяжелые стенания отца.

В последующие годы Зухра тщетно пыталась вернуть расположение мужа. Сыновья Хасана подрастали: старший Амир, с сердцем, полным скрытой ревности и внушенной матерью жаждой соперничества, и младший Алим, бесхитростный и добрый мальчик.

Зухра ненавидела сына умершей соперницы так же сильно, как любила собственного. Она сумела превратить Амира в верного союзника, сделать из него орудие своих коварных планов. Она желала отомстить и Хасану, и Алиму. Первому — за то, что он ее разлюбил, второму — что посмел появиться на свет.

[1] 750-1258 г.г. — время правления халифов династии Аббасидов, происходившей от Аббаса, дяди пророка Мухаммеда, и сменившей династию Омейядов.

[2] Зухра — красота, блеск.

[3] Харун аль-Рашид (766-809) — пятый багдадский халиф из династии Аббасидов. Герой сказок, содержавшихся в своде «Тысяча и одна ночь». При нем в халифате достигли значительного развития ремесла, торговля и культура.

Глава первая

803 год, Багдад

Зюлейка не помнила своих родителей: она осталась сиротой в раннем возрасте и воспитывалась в семье дяди.

Отец девушки, Джафар, имел редкостную статью и прекрасный голос, больше всего на свете он любил развлечения и праздники, а меньше всего — какую бы то ни было работу. И жену себе выбрал красивую, но ветреную и беспечную.

Их дочери не исполнилось двух лет, когда Джафар погиб в драке на одной из багдадских улиц. Через несколько недель после несчастья его вдова бросила ребенка и уехала с каким-то купцом, а спустя пару дней на берегу Тигра обнаружили ее бездыханное тело.

Ребенка нашли в доме: Зюлейка ползала по грязному полу и надрывалась от плача.

Все родственники под благовидным предлогом отказались взять девочку к себе. Что бы они ни говорили, истинная причина была ясна: Джафар не оставил после себя никакого имущества, а легко ли прокормить лишнего ребенка! К тому же, когда девочка вырастет, ей потребуется приданое. И пусть воля Аллаха сокрыта от людей, на роду Зюлейки явно лежало проклятие, которое могло перейти в семьи усыновителей.

У старшего брата Джафара, Касима, была добрая душа. Он рассудил, что там, где есть пятеро детей, найдется место и для шестого, а истинное богатство человека — в щедрости его сердца. Аллах всевидящ и мудр: он дарует счастье тому, кто пожалел слабого.

Касим не стал слушать возражений родных и принял Зюлейку в семью. Его жена Надия так и не смогла полюбить девочку. Она держала племянницу в строгости и не в меру загружала работой. Несмотря на это, Зюлейка выросла жизнерадостной, покладистой и веселой. Любила дядю, слушалась Надию, прекрасно ладила с двоюродными братьями и сестрами.

Семья Касима жила на левом берегу Тигра, где располагались ремесленные кварталы и было много оживленных базаров. Дядя Зюлейки держал лавку, в которой продавались не только грубые кожаные сандалии, предохранявшие ступни бедняков от ожогов при ходьбе по накаленным солнцем камням и песку. Там были туфли из отлично выделанного цветного сафьяна, украшенные узорами из шелковых, золотых и серебряных нитей, расшитые бисером или блестящими бусинами.

Торговля шла хорошо; нередко Касим возвращался из лавки поздно вечером, усталый, но довольный. Ему посчастливилось найти место на одном из крупнейших багдадских рынков, который посещало немало богатых и знатных людей.

Однажды Надия сказала Зюлейке:

— Отнеси дяде обед. Да смотри, не заглядывайся по сторонам, не то закончишь свои дни так же, как твоя мать!

Последнюю фразу тетки девушка пропустила мимо ушей. У Зюлейки был легкий нрав, она не обращала внимания на дурные слова и легко прощала обиду.

В те далекие времена лишь замужние женщины прятались под покрывалом — бурко, лица девушек оставались открытыми. Стоял полдень, солнце слепило глаза, стены домов из сырцового кирпича источали жар, и Зюлейка вышла из дома в полотняной рубашке и наброшенной на волосы легкой шали.

Девушке нравились такие прогулки, она любила свободу и ощущение новизны, властно проникающее в душу всякий раз, когда она шла по городу, напоминающему бурлящее цветистое море.

Багдад обладал чарующей силой. Неважно, что местами он был грязен, криклив, опасен и беден. Это был мир, в котором стоит жить.

Зюлейка шла по улицам, где ютились ремесленники, извилистым и узким, словно след змеи, и любовалась далекими минаретами, вытянутыми ввысь, будто гигантские копыта, и похожими на огромные чалмы куполами дворцов. Очутившись в богатом квартале, гадала, что за таинственные, могущественные люди живут за высокими стенами садов, окованными железом воротами и узкими, забранными решетками окнами.

В этот час народу на улицах было немного. Над землей висела неподвижная душная дымка; синева неба заметно поблекла, и только солнце победоносно блистало в зените.

Касим обрадовался приходу Зюлейки и в первую очередь припал к тыквенной фляге с холодной водой. Утолив жажду, сказал племяннице:

— Сейчас покупателей нет. Побудь немного в лавке вместе с Икрамом, мне надо отлучиться по делам.

Икрамом звали двенадцатилетнего сына Касима, который обычно помогал отцу. Касим не хотел оставлять его одного: мальчишка был непоседливый и беспечный — того и гляди убежит на улицу, бросив товар и забыв о торговле.

Едва отец скрылся из виду, Икрам обратился к Зюлейке, сверкая быстрыми, черными, как угольки, глазами:

— Отпусти меня в лавку, где продаются сладости. У меня есть немного денег, и я хочу купить халвы. Только не говори отцу!

— Иди, но не задерживайся, а то попадет нам обоим! — со смехом ответила Зюлейка и потрепала его по волосам.

Мальчишка выскользнул из-под навеса и через мгновение был таков.

Оставшись одна, девушка принялась перебирать сафьяновые туфли, любуясь тщательной выделкой кожи и изящной вышивкой. Она всегда носила простые сандалии из сыромятной кожи и теперь думала о том, какого совершенства, должно быть, достигло искусство одеваться у тех, кто может позволить себе купить такую обувь. Зюлейка привыкла довольствоваться малым и не мечтала о красивых нарядах. Девушка хорошо знала, каково ее положение в семье, и была благодарна дяде хотя бы за то, что он давал ей пищу и кров.

Задумавшись, Зюлейка не заметила, как в лавку вошел покупатель.

— Нет ли здесь туфель, похожих на те, какие носит супруга нашего великого халифа?

Услыхав мужской голос, девушка вздрогнула от неожиданности и обернулась.

Покупатель, наверное, шутит! Откуда такая обувь в обычной базарной лавке? Зюлейка слышала, как Касим говорил о том, что туфли любимой жены халифа Харун аль-Рашида, прекрасной Зубайды, расшиты драгоценными камнями и сделаны из дивно тонкой и нежной кожи, напоминающей лепестки роз.

Девушка подняла глаза. Перед ней стоял красивый молодой человек в богатом одеянии с шелковым поясом и украшенным золотыми насечками кинжалом. Касим относился к таким покупателям, как к редким птицам, случайно угодившим в силки.

У юноши были пристальный, почти без выражения взгляд, непроницаемое лицо и плотно сжатые губы. Казалось, он держит свои чувства глубоко в тайниках души, как держат золото в крепко запертых сундуках.

Зюлейка перевела дыхание и почтительно поклонилась.

— Таких туфель нет, господин, но есть другие, они тоже красивы.

Она взяла в ладони нежно-розовые, как заря, туфельки без задника с изящно загнутыми узкими носами. Украшавшие их прозрачные мелкие жемчужины сверкали, словно капли росы на поверхности цветочного лепестка.

Молодой человек посмотрел на туфли, потом — на девушку. Загорелая кожа, рубашка грубого полотна, никаких украшений. При этом нежнейшие черты, огромные пленительные глаза, прелестный нос с тонкими крыльями и четко обрисованные губы.

Красота этой девушки казалась совершенной и вместе с тем удивительно естественной. То было создание, любовно вылепленное невидимыми руками всемогущего Аллаха.

— Моей матери больше подойдут другие, например, эти. — Покупатель указал на темно-синие с серебристым узором туфли, взгляд на которые рождает мысли о многозвездных багдадских ночах.

Мгновенная радость пополам со смущением и растерянностью промелькнула в лице Зюлейки. Она думала, что юноша хочет сделать подарок своей жене, невесте или наложнице.

Девушка вновь поклонилась.

— Господин прав.

— Я их беру, — небрежно произнес покупатель и спросил: — А где хозяин лавки?

— Он скоро вернется.

Молодой человек слегка склонил голову набок. У него были большие, блестящие золотисто-карие глаза. Ресницы казались такими шелковистыми и длинными, что их хотелось потрогать руками.

— Ты его дочь?

Зюлейка почувствовала, как лицо предательски заалело под пристальным, испытующим взглядом незнакомца. Девушка быстро ответила:

— Племянница. — И зачем-то добавила: — Мои родители давно умерли.

Покупатель отсчитал дирхемы[1], не спросив о цене. У него были изящные, легкие, унизанные кольцами пальцы.

Получив деньги и пересчитав их, Зюлейка простодушно произнесла:

— Вы дали слишком много дирхемов, господин!

Юноша впервые улыбнулся, снисходительно и вместе с тем добродушно и нежно.

— Знаю. Отдай дяде, сколько считаешь нужным, а остальное оставь себе.

— Я не могу. Не могу обманывать дядю, — просто сказала Зюлейка и протянула покупателю деньги.

Он пожал плечами.

— Тогда отдай ему все. — Потом спросил: — Когда ты снова придешь в лавку?

— Не знаю, — взволнованно проговорила Зюлейка, чувствуя, что разговор принимает неожиданный оборот. — Сегодня я принесла дяде обед...

— Ты можешь сделать это и завтра, — властно произнес он. — Как тебя зовут?

Девушка смущенно назвала себя.

— У тебя хорошее имя. Задорное и нежное, как ты сама. Где ты живешь?

Зюлейка ответила, и высокий гладкий лоб ее собеседника прорезала тонкая морщинка. Едва ли нога молодого господина хотя бы однажды ступала по улицам бедного ремесленного квартала!

— Направляясь в лавку, ты проходишь мимо мечети Джами' ал-Мансур?

Зюлейка кивнула.

— В полдень я буду ждать тебя у входа в мечеть.

С этими словами он забрал покупку и вышел на улицу.

Вскоре прибежал Икрам, потом вернулся Касим, и девушка отдала дяде деньги за туфли, сказав, что их приобрел состоятельный господин для своей матери. Касим не стал ругать племянницу за то, что она беседовала с посторонним мужчиной, ибо ей удалось продать товар по очень выгодной цене.

Зюлейка покинула лавку и медленно побрела по жаркой улице. Кровь гулко стучала в висках, взор застилал туман. Она поговорила с незнакомцем несколько минут, но ей чудилось, будто минула вечность, потому что эта беседа перевернула ее душу.

Этот человек был не первым мужчиной, которого она увидела, и не единственным, с кем ей пришлось разговаривать. Но еще ни разу в душе девушки не пробуждалось желание нарушить установленные правила!

Зюлейка слышала слова, якобы произнесенные пророком Мухаммедом: «Отделяйте мужчин от женщин, ибо когда они видят друг друга и встречаются, возникает болезнь, от которой нет лекарства».

Никто не говорил ей о том, что эта болезнь может возникнуть от одного единственного взгляда!

Зюлейка пыталась внушить себе жестокую истину: этот богатый и знатный незнакомец никогда на ней не женится, значит, встречаться с ним не просто бессмысленно, а даже опасно. Девушка не может оставаться наедине с мужчиной, даже если это ее жених. И ни один человек, чьи намерения чисты и честны, не станет побуждать ее к этому.

Вместе с тем сердце Зюлейки исподволь подтачивало желание покориться воле незнакомца. Она представляла, как его теплые сильные руки станут сжимать ее голые локти, а в бархатистом голосе будет звучать ласка. При мысли об этом колени слабели, ноги подкашивались, со дна души поднималась тревожная жаркая волна.

Между тем Амир ибн Хасан аль Бархи неспеша шел по улице. У него не было никаких неотложных дел в городе, просто сегодня он решил пораньше вырваться из дома и как можно позднее вернуться обратно.

Его мать, Зухра, была умной женщиной и вместе с тем порой вела себя как капризный ребенок. Утром она встала не в духе и без конца повторяла, что ей давным-давно не дарили дорогих подарков. Мимоходом упомянула о туфлях любимой жены халифа Зубайды.

Амир понятия не имел, где можно купить такую обувь. Он случайно зашел в лавку, где продавались сафьяновые изделия, обнаружил там молоденькую девушку и шутки ради обратился к ней с вопросом.

Девушка оказалась прелестной. Более того, она не знала цены своей красоты, как не ведала ценности ни жемчуга, ни золота.

Воспитанный матерью, Амир вырос не в меру изнеженным и капризным, с легко возбуждаемой чувственностью. Он не стремился к прочным узам, зато легко загорался страстью, увидев новую рабыню или служанку матери. В его постели их перебывало немало, и он пресытился ими.

Молодому человеку очень понравилась Зюлейка; она показалась ему искренней, бескорыстной и чистой.

Взор этой девушки обещал подарить Амиру то, чего он еще не изведал: любовь, пламенную и нежную, как возвращенный Аллахом цветок.

Амир был искушенным любовником: он сразу понял, что Зюлейка ответит на его порыв и в полдень придет к мечети Джами' ал-Мансур. А после покорится его воле. Недаром в Коране сказано: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество над другими».

Он был избалован и не умел противиться своим желаниям. У Амира не возникало мысли о том, что он может погубить девушку. Думая о ней, он слышал страстные вздохи, чувствовал, будто наяву, запах неповторимых соков, которые источает ее плоть. Ощущал бархатистость ее кожи, представлял, какие слова она скажет ему, когда испытает неповторимое наслаждение, и какими ответит он.

Остальное не имело значения.

Начальник главного почтового ведомства Багдада, Хасан ибн Акбар аль Бархи любил свой домашний кабинет. Здесь стоял украшенный перламутром письменный столик с круглым пеналом для перьев и серебряной чернильницей, удобный широкий диван. На полу лежал роскошный, приглушенных оттенков ковер. В стенной нише хранились книги и дорогие сосуды.

Узкие, с тонким резным переплетом окна выходили в затененный уголок сада, потому даже в жаркие летние дни в кабинете было прохладно.

Тяжело вздохнув, Хасан поднялся из-за стола. Она знал, что сегодня привычный покой будет нарушен: в комнате станет жарко от споров, а блаженную тишину прорежет высокий голос его жены Зухры.

Хасан вызвал ее в кабинет, чтобы сообщить важную новость. Будет лучше, если Зухра узнает ее первой и — от него. Хасан знал наперед, что она скажет, и чувствовал, как нелегко ему будет выслушать бурные и отчасти справедливые обвинения жены.

Она вошла, звеня браслетами, все еще красивая и стройная в свои тридцать семь лет. На Зухре была рубашка тонкого египетского полотна; черные, заплетенные в косички волосы унизаны мелкими украшениями из листового золота в виде крошечных розеток, кружков и звездочек, глаза ярко подведены темной тушью, а кончики пальцев окрашены хной.

От нее исходило ощущение несгибаемого достоинства, уверенности в себе и, пожалуй, высокомерия. Взгляд непроницаемо черных миндалевидных глаз Зухры обладал способностью проникать сквозь внешние покровы и заглядывать в душу собеседника.

Знающий эту особенность, Хасан чувствовал себя скованно, неудобно и потому произнес нарочито властно и громко:

— Входи и садись. Предстоит важный разговор.

Зухра склонилась перед ним, как примерная жена, потом сделала несколько шагов и опустилась на диван.

Хасан провел рукою по бороде, черноту которой до сих пор не пронизала ни одна серебряная нить, кашлянул, затем начал — не столь решительно и непринужденно, как ему хотелось:

— Речь пойдет о нашем многомудром халифе и его преемниках. Надеюсь, ты помнишь, что несколько лет назад Харун аль-Рашид назначил Мухаммеда, сына, рожденного любимой женой Зубайдой, своим первым, а старшего, Абдаллаха, подаренного персидской наложницей, вторым наследником.

Зухра молча слушала. Эта история была хорошо известна всем, кто хотя бы немного интересовался тем, что происходит в халифате. Закон был на стороне Абдаллаха аль-Мамуна, но халиф не сделал сына рабыни первым наследником в угоду своей любимой супруге и отдал предпочтение младшему, Мухаммеду аль-Амину. Год назад, во время паломничества в Мекку, оба брата торжественно поклялись уважать решение отца и не воевать друг с другом.

— В прошлом году Харун аль-Рашид назначил аль-Мамуна бессменным правителем Хорасана[2], — продолжал Хасан. — Недавно я узнал, что халиф едет туда вместе с принцем. Вполне возможно, аль-Мамун останется в столице Хорасана, Мерве. Вчера я получил лестное предложение: один из моих сыновей может сопровождать халифа и принца и остаться на службе у правителя главной провинции Ирана. Разумеется, я ответил согласием. Поездка состоится через два-три месяца.

Зухра подняла брови.

— Мудрое решение. Твой младший сын сможет занять положение, какого едва ли сумел бы добиться, оставаясь в Багдаде.

Немного помолчав, Хасан медленно произнес:

— Я намерен отправить в Хорасан не Алима, а Амира.

— Что?!

Пальцы Зухры вцепились в обивку дивана. Чувство гнева и оскорбленной гордости было столь сильно, что на мгновение приглушило сердечную боль.

Амира, ее любимца, союзника, опору, старшего сына и первого наследника — в ссылку?! Это было немыслимо. Зухра отказывалась верить в то, что услышала.

— Да, — твердо произнес Хасан. — Так будет лучше. По-моему мнению, Амир слишком жаждет развлечений. Он легкомыслен и не обладает достаточной силой воли. Служба в Мерве,

вдали от багдадской роскоши, под началом сдержанного и вдумчивого аль-Мамуна пойдет ему на пользу.

При этом подумал: «Заодно Амир наконец-то избавится от твоего влияния!»

Зухра взвилась.

— Аль-Мамун — сын рабыни!

Хасан нахмурился.

— Он сын халифа. Тебе известно, что по мусульманским законам, ребенок рабыни, если он признан своим отцом, получает те же права, что и дети, рожденные законной женой, — сказал он и заметил: — К тому же аль-Мамун наполовину перс, как и Амир. Будет неплохо, если твой сын сблизится с иранской аристократией. Это поможет ему продвинуться по службе.

Зухра вскинула голову. Ее глаза засверкали, а в голосе зазвучал металл.

— Ты не полагаешься на природный талант Амира?

— Насколько мне известно, он никогда не проявлял прилежания в науках.

— А как же место твоего преемника в Багдаде? — Зухра осмелилась задать животрепещущий вопрос. Осмелилась — не потому что боялась мужа, а потому что заранее знала ответ, способный ранить в самое сердце.

Чуть помедлив, Хасан сурово изрек:

— Его займет Алим.

Алим! Алим, сын безродной рабыни, будет представлен ко двору, вхож во дворец, получит наследственную должность! Тогда как ее сын будет сослан в далекий оазис, сделается прислужником человека, который никогда не станет халифом!

— О нет! Ты не сможешь так поступить! — в отчаянии воскликнула Зухра и внезапно замолчала.

Резкий холодный луч здравого смысла вспыхнул в ее мозгу и привел в порядок чувства. Ненависть придала хладнокровия и сил. Бесполезно спорить с мужем, нужно исподволь заставить его изменить решение. Необходимо ему помешать.

Женщина встала и выпрямила спину.

— Ты уже говорил с сыновьями?

— Еще нет. Ты послужишь мне службу, если пришлешь сюда Амира. За Алимом я пошлю сам.

Через четверть часа оба стояли в кабинете Хасана.

Алим унаследовал от своей матери-иноземки русые волосы и ярко-голубые глаза, от отца, чистокровного араба, — красивого оттенка кожу, черные брови и ресницы и по-восточному тонкие черты лица. Он смотрел доверчиво и серьезно, тогда как Амир внутренне извивался от противоречивых чувств. Мать только что сообщила ему тревожные новости. Голос Зухры звучал глухо, тогда как в глазах пылал неистребимый огонь, огонь ненависти, которая давным-давно пустила корни в ее душе, пошла в рост и наполнила собой все ее существо.

Алим поклонился первым и ответил:

— Я подчиняюсь твоему решению, отец.

Амир незаметно усмехнулся. Как будто мальчишка мог сказать что-то другое!

Молодой человек помедлил. Он не мог ответить «нет» и был не в силах произнести «да». Он молчал, и в этом молчании таился своего рода протест.

Отчасти он был готов освободиться от власти матери. Многие годы Зухра жила только им, она привыкла ощущать их единым существом. Просила у него отчета в каждом жесте, в каждой мысли. В то же время Амир не желал уступать свои привилегии младшему брату, не хотел удалиться в изгнание, уезжать в безвестный оазис Мерв, тогда как Алим будет процветать в полном чудес и удовольствий Багдаде.

Взгляд отца был непримирим и суров, и старшему сыну пришлось ответить «да». Хасан сказал, что поездка состоится не раньше чем через два месяца. Что ж, у него, Амира ибн Хасан аль Бархи, есть время подумать о том, как избежать козней судьбы.

Когда братья покинули кабинет, Амир повернулся к Алиму и угрожающе произнес:

— Думаешь, выиграл? В тебе слишком много дурной крови, чтобы ты мог меня побороть!

Алим вскинул ясный взор.

— Зачем ты так? Я просто выполняю волю отца.

Старший брат усмехнулся.

— Это легко, когда она вершится в твою пользу!

— Я не знаю, почему отец принял такое решение. В отличие от тебя я готов отправиться в Мерв вместе с принцем аль-Мамуном.

Амир не стал его слушать и быстро прошел в покои матери.

Зухра всегда тщательно ухаживала за собой, и издали ее легко было принять за юную девушку. Да и вблизи красота женщины казалась немеркнущей и гордой.

Но сейчас Зухра выглядела поблекшей и поникшей, словно присыпанная знойным песком роза. Сидя на обитом цветным шелком диване, она рассеянно перебирала свисавшую с шеи длинную жемчужную нить, в центре которой горел большой изумруд. То был свадебный подарок Хасана, который женщина никогда не снимала.

Войдя к матери, Амир запальчиво произнес:

— Он что, сошел с ума?!

У них были доверительные отношения — молодой человек мог говорить то, что думает.

— Прежде он никогда бы так не поступил, — медленно проговорила Зухра. — Он подумал бы обо мне. Стало быть, его любовь навсегда угасла.

Она вышла за Хасана, когда ей исполнилось шестнадцать, а ему было двадцать лет. Брак устроили родители, и Зухра не была уверена в том, что сумеет полюбить незнакомца, который вдруг сделался ее мужем, но все сложилось как нельзя лучше: Хасан оказался красивым, великодушным, страстным, он искренне восхищался женой. Первое время совместной жизни пролетело, как во сне. Молодой супруг приходил к Зухре каждую ночь и покидал ее лишь под утро: их страсть была остра, как кинжал, и неисцелима, как глубокая рана. Спустя год Зухра родила наследника, сына: Хасан был в восторге и завалил жену подарками. А еще через пять лет в его жизнь вошла ненавистная светловолосая рабыня.

Теперь Зухра думала: возможно, ей не стоило предаваться безумной ревности? Слишком многое в жизни человека зависит от того, чего нельзя предвидеть! Наверное, она должна была смириться с тем, что не будет у мужа единственной, как это делают другие женщины, и ей бы не пришлось расплачиваться годами одиночества и смертельной тоски.

В конце концов, истинная любовь всегда предоставляет свободу — она не должна заявлять о своих правах и требовать ответной любви.

— Речь не о тебе, мама, а обо мне, о моей жизни, о моем будущем! — раздраженно произнес Амир.

Женщина подняла взор и посмотрела на сына так, будто впервые его увидела.

— У тебя оно, по крайней мере, есть.

Молодой человек передернул плечом.

— Мы должны сделать так, чтобы в Хорасан поехал Алим!

— Да. Мы что-нибудь придумаем, — ответила Зухра, но Амир видел, что ее мысли далеки от действительности. Казалось, ее покинули силы, погас душевный огонь, замерло сердце.

В конце концов, Амир оставил мать в покое и ушел к себе. Зухра не раз впадала в горестное оцепенение, которое могло продолжаться несколько дней. Зато потом развивала кипучую деятельность и легко разрешала самые сложные проблемы.

Молодой человек провел ночь в одиночестве. Амир лежал без сна, думая о Зюлейке. Его помыслы были устремлены к тому счастливому мигу, когда он сможет увидеть девушку. Все было как в первый раз: предвкушение новых, неповторимых, острых ощущений превращало повседневные разочарования и невзгоды в нечто мелкое, не стоящее глубоких переживаний.

Счастье не сможет обойти его стороной, потому что он, Амир ибн Хасан аль Бархи, не кто иной, как баловень и избранник судьбы.

[1] Дирхем — старинная арабская серебряная монета; равнялась 2,97 г чистого серебра, чеканилась с 695 г.

[2] Хорасан (ср. — персидское, буквально — «восход солнца», «восток») — историческая область на Среднем Востоке, включает северо-восточную часть современного Ирана, Мервский и др. оазисы на юге Туркменистана, севера и северо-запада современного Афганистана. Был завоеван арабами в середине VII века.

Глава вторая

Сумрак сгушался, отблески заката почти догорели на небе, и в напоенном ароматом цветов воздухе ощущалась ночная прохлада.

Минуло время, когда над улицами пронесся последний призыв муэдзина[1], нескончаемый и тягучий, как пустыня или жара.

Как многие жители Багдада, душные летние ночи Зюлейка проводила на плоской крыше дома. Мужчины спали отдельно от женщин. Места хватало для всей семьи.

Обычно Зюлейка ложилась с краю, там, где крыши дома касались ветки большого платана. Дерево росло рядом с оградой — с него легко перебраться на стену, а со стены спрыгнуть вниз, на улицу. Утомленные жарой и бесконечными делами домочадцы спали крепко. Едва ли они что-то услышат — через несколько часов Зюлейка сумеет незаметно вернуться обратно. Собаки не залают, потому что не почуют чужого.

После долгих колебаний девушка решила уступить мольбам Амира и согласилась на ночное свидание.

Они виделись несколько раз, но это происходило при свете солнца, когда Зюлейка ходила за водой или носила дяде обед. Встречи были короткими и волнующими. Разумеется, молодые люди не могли подолгу разговаривать. Девушка боялась любопытных глаз — днем багдадские улицы так многолюдны! Тогда Амир предложил встретиться ночью.

За эти дни Зюлейка передумала о многом. Тайком взяла у Надии зеркало и украдкой разглядывала себя. Справедливо ли, что у нее нет ни одной приличной рубашки, никаких украшений? Почему дядя Касим не задумывается о ее замужестве, ведь ей пошел шестнадцатый год! Тетка обращается с ней, как с рабыней, не задумываясь о том, что у нее могут быть свои собственные желания и мечты!

Вчера Амир страстно произнес, глядя ей в глаза: «Ты красивее всех, Зюлейка! Твои прелестные ножки должны ступать не по камням, а по коврам, ты достойна того, чтобы жить во дворце! Я хочу видеть тебя каждый день, я не желаю расставаться с тобой!»

Зюлейка лежала без сна, устремив взор в темное небо, думая о том часе, когда увидится с Амиром. В груди разгорался предательский жар, плавно стекал вниз, незаметно охватывал собой все тело. Девушка не до конца понимала, чего она хочет, но желание было столь властным, жарким, неодолимым, что ей было трудно дышать.

Зачем противиться тому, что неизбежно? Зачем людям жемчуг, если в небесах каждую ночь загораются звезды, к чему им богатство, когда на свете существует любовь!

Ночь обладает странной силой, ночью все по-другому, чем днем. В тайные, полные лунного света часы между мужчиной и женщиной возникает особая близость.

Конечно, Зюлейка боялась. Боялась, что узнают родные, опасалась гнева дяди, страшилась собственного безрассудства. Но... не испытывала страха перед Амиром. Он был благородным человеком, много выше ее по положению, умнее и старше. Ее душа, ее сердце принадлежали ему без остатка и были полны доверчивости и любви.

Ближе к полуночи девушка услышала тонкий свист и тихонько поднялась с кошмы.

Несколько раз треснули ветки. В саду заворчал сторожевой пес. После воцарилась тишина, только цикады выводили свою бесконечную трескучую песнь.

Зюлейка спрыгнула со стены и угодила прямо в объятия Амира.

— Ты здесь! — восторженно прошептал он.

— Да!

Восторг в его голосе сменился тревогой.

— Никто не услышал?

— Кажется, нет.

Зюлейка почувствовала его губы на своих губах и мигом забыла, где она и что с ней происходит. Поцелуй был долгим, неспешным, горячим, как огонь. Потом Амир сказал:

— Здесь опасно оставаться. Пойдем.

Зюлейка медленно пошла вперед. Ноги и руки ослабли, сделались безвольными, как у тряпичной куклы. Сердце гулко стучало в груди.

Багдад спал. Порой издали доносились неясные звуки; на улицах было темно, как в подземелье. Девушка вздрагивала от малейшего шороха; ей чудилось, будто при каждом шаге подошвы ее сандалий издают слишком сильный шум.

Вскоре на небе появилась луна и озарила мир. По земле разметались причудливые узоры теней. Над головой вспыхивали и гасли миллиарды звезд — то был ритм вечности. В таком же ритме бились человеческие сердца — сначала одни, потом другие... Жизнь тянулась бесконечной цепью, у нее было столько же звеньев, сколько мерцающих точек в необъятной тьме. Пересчитать их все был способен только Аллах.

Амир привел Зюлейку в пальмовую рощу на окраине квартала Карх. В столь поздний час появление людей в таком месте было большой редкостью. Здесь им не могли помешать.

В траве и в листве деревьев шелестел теплый ветер; казалось, свежие ночные запахи проникают прямо в душу.

Молодой человек остановился и положил руки на плечи девушки.

— Если ты согласилась прийти и пришла, Зюлейка, значит, ты меня любишь и хочешь принадлежать только мне, мне одному!

Она покорно прошептала:

— Да, мой господин!

— Не называй меня господином. Ты знаешь, как меня зовут.

— Амир...

Ей хотелось взять его имя в ладони и прижать к своему сердцу.

Он расстелил припасенную кошму и мягко принудил Зюлейку сесть на нее. Осторожно запустил пальцы в густые волосы девушки, принялся гладить, ласкать.

— Скажи, о чем ты мечтаешь?

— Не знаю, — растерянно прошептала она, хотя думала и грезилась об одном-единственном чуде: никогда не расставаться с этим прекрасным юношей!

Амир улыбнулся в темноте.

— А я хочу, чтобы многие вещи сделались бесконечными, чтобы время разжало свои тиски, чтобы не надо было ни о чем думать, ничего решать. Чтобы эта ночь продолжалась вечно, и ты всегда оставалась такой, как сейчас!

Он опустил девушку на кошму, и его властные руки проникли под рубашку Зюлейки. Обвили талию, потом скользнули ниже. Горячие губы прильнули к нежной девичьей груди.

— Не бойся, — прошептал молодой человек. — Все хорошо. Просто теперь ты моя! Моя, правда?

Зюлейка была не в силах ответить. Ей было и стыдно, и страшно, страшно оттого, что она не могла с собой совладать. Вырваться, оттолкнуть, убежать, сказать «нет».

Прошло несколько секунд, и ей казалось, что его губы и пальцы — везде. Амир сорвал с девушки одежду, прильнул к ее телу своей бархатистой кожей: Зюлейке чудилось, будто она срастается с ним, что они волшебным образом превращаются в некое единое существо.

Жар все сильнее разливался по телу, погружая в сладкое оцепенение. Зюлейке было так приятно и хорошо, что она не заметила, как Амир овладел ею. Девушка вздрогнула, почувствовав боль, которая странным образом сочеталась с острой сладостью, и постепенно покорилась новым неизведанным ощущениям.

После Зюлейка долго лежала в его объятиях, слушая, как их сердца бьются в едином, возбужденном и радостном ритме.

— Отныне мы принадлежим друг другу, и между нами нет никаких преград! — пылко произнес Амир.

Он играл ее волосами, любовался ею и улыбался ей. Полуопущенные ресницы Зюлейки стыдливо подрагивали. Ошеломленная случившимся, она не двигалась и молчала. Потом нерешительно попросила:

— Расскажи о себе. О своих родителях.

Для того чтобы между ними в самом деле исчезли преграды, девушке было необходимо знать о его семье, о матери и отце, о том, как и чем он жил, пока не встретил ее.

Амир потянулся всем телом, запрокинул голову, посмотрел в небо и глубоко вздохнул. Он боялся откровенностей, ему казалось, он может выдать какой-то секрет, показать свою беспомощность перед некоторыми сторонами жизни. Вместе с тем он понимал: ей, принадлежащей к другому миру, можно рассказывать все без утайки. Про Хасана. Про мать. Про Алима.

Амир чувствовал: то, что он скажет, останется в этой ночи, в сердце любящей его девушки, которую он только что обесчестил.

— Отец... Он важный человек, всегда убедительно рассуждает, его речи разумны. Но мне с детства казалось, будто он смотрит на меня и... видит кого-то другого. Или не видит вообще. Он лишь поучал меня, и, по-моему, никогда не любил. Мать любила и любит — что-то свое во мне. Она внушила мне презрение и ненависть к младшему брату, заставила меня сочувствовать ей в том, чего я не был способен понять.

— За что ты ненавидишь брата?

Амир помедлил. Он не знал, за что. Алим рос беззлобным, светлым, как солнечный луч. Он не был виноват в том, что его покойная мать похитила сердце Хасана, и никогда не стремился соперничать со старшим братом.

— За то, что он существует на свете. Собственно, именно за это люди и ненавидят друг друга.

— Я не испытываю ненависти к людям, — сказала Зюлейка. — Но иногда мне бывает обидно, что тетя и дядя не видят, что я такой же человек, как и они.

Для Амира Зюлейка тоже не была «таким же человеком», как он (что сказала бы надменная Зухра, если б увидела сына лежащим на кошме в пальмовой роще рядом с племянницей лавочника!), потому молодой человек промолчал.

Девушка тревожно вздохнула.

— Что ждет нас в будущем?

— У тебя будет все, — в очередной раз солгал Амир, — все, чего ты захочешь.

— У меня уже есть главное, — застенчиво промолвила Зюлейка и прильнула к нему, — твоя любовь.

Амир нескоро выпустил девушку из объятий, ему хотелось вновь и вновь наслаждаться ею. Они расстались лишь тогда, когда восток начал светлеть.

Новоиспеченные любовники поспешили к дому девушки. Боясь быть узнанной жителями своего квартала, многие из коих вставали еще до рассвета, Зюлейка прикрыла лицо шалью. На одной из улиц молодую пару остановили городские стражники, патрулировавшие город до первой утренней молитвы.

— Кто вы и куда направляетесь?

Зюлейка испуганно прижалась к Амиру. Тот слегка поклонился и с достоинством произнес:

— Я Амир ибн Хасан аль Бархи, сын главы почтового ведомства великого халифа. Это... это моя жена. Мы возвращаемся из гостей.

Рассмотрев дорожную одежду молодого человека и прислушавшись к его речи, стражники кивнули.

— Идите с миром. И лучше не путешествуйте по ночам — могут встретиться лихие люди!

Амир поблагодарил их за совет и, взяв свою спутницу за руку, быстро свернул в переулок. Жена! Это слово согрело и обнадежило Зюлейку. На прощание Амир поцеловал ее несчетное количество раз и добился обещания прийти следующей ночью.

Молодой человек помог Зюлейке забраться на стену и, убедившись в том, что она благополучно вернулась обратно, пошел домой: смывать с себя следы бурной ночи, творить намаз, завтракать и отдыхать.

В тот день Надия без конца ругала Зюлейку за то, что та двигалась, как во сне. Девушка часто останавливалась и замирала, словно в раздумье. Все валилось у нее из рук, она постоянно забывала, что должна сделать.

Причина скрывалась не только в усталости. При ярком, безжалостном свете дня тайное виделось иным: Зюлейка поняла, что она натворила. Легко, словно играючи, рассталась с тем, без чего никто не сможет считать ее порядочной девушкой.

Есть только один выход — Амир должен на ней жениться, ибо другой мужчина убьет ее в первую же ночь. А перед этим изобьет, отгаскает за волосы и расскажет всем о ее позоре.

Или ей придется навсегда остаться одинокой. Тогда никто не узнает о том, что она согрешила. Но жить одной — величайшее несчастье для женщины. У Зюлейки задрожали руки. Нет-нет, конечно, Амир понимает, что произошло, и никогда ее не оставит. Отныне он ее мужчина, ее господин. Завтрашней ночью они снова увидятся, потом — еще и еще. А после сыграют свадьбу.

Однако в глубине души Зюлейка ощущала червоточинку. Обычно все делается не так. Сватовство, свадьба и только потом — близость.

Прошло несколько дней, и она обо всем забыла. Она была полна любовью, как летний день — солнечным светом, ночное небо — сиянием звезд. В первое время Зюлейку смущало, что, встретившись с ней, Амир прежде стремится удовлетворить свое желание и лишь потом заводит разговор, спрашивает о том, что нового случилось в ее жизни, как она провела день.

Это тревожило лишь поначалу. Познав вкус наслаждения, девушка столь сильно жаждала и ждала ласк возлюбленного, что охотно и с нетерпением покорялась его страсти.

Однажды Амир привел Зюлейку в хижину одинокой бедной старухи, которая согласилась пустить их на ночь за несколько дирхемов, и там они отвели душу. Он брал ее раз за разом на убогом ложе при тусклом свете масляного светильника, наслаждаясь красотой обнаженного тела девушки, по которому гуляли темно-красные тени, блеском желания в ее глазах, водопадом рассыпавшихся по постели волос.

С Зюлейкой все было не так, как с рабынями: она была смелее, живее. Была ненасытной, раскованной, жадной до страстных утех, как и он. А главное — она его любила. Любила до самозабвения, до безумия. Любила и отдавала себя до конца, исполняя все его фантазии и капризы. Случалось, Амир велел девушке танцевать перед ним обнаженной, в другой раз доводил ее до сладострастной истомы, после чего заставлял умолять о том, чтобы он овладел ею. Учил предаваться бесстыдным любовным играм.

Зюлейка наслаждалась удовольствием, которое получал ее возлюбленный, не думая и не помня о себе. Если ее повелитель чего-то желает, значит, этого должна хотеть и она.

Однажды ночью Надия заметила отсутствие племянницы, но той удалось выкрутиться: девушка сказала, что неважно себя чувствует и потому спала в доме. Никто ничего не заподозрил. Дни Зюлейка проводила, как и прежде, а ночью предавалась упоительной страсти.

Любовное сумасшествие набирало силу, и только Аллах видел, как огненная повозка стремительно катится к неминуемой пропасти, только он знал, сколь горек вкус настоящего меда, какими острыми шипами способны ранить прекрасные розы.

[1] Муэдзин — служащий мечети, призывающий с минарета мусульман на молитву.

Глава третья

Великолепное здание дворца Харун аль-Рашида сияло золотом куполов, переливалось яркими красками изразцов, пестрело узорами стен. Это был «город в городе», куда допускались лишь избранные, ибо основной заботой халифа являлось обеспечение полной безопасности для себя и своих приближенных, причем не столько от внешних нападений, сколько от гнева своих собственных подданных — жителей столицы.

То, что творилось внутри, напоминало бесконечный многоцветный сон. Несметные толпы слуг, вооруженных до зубов стражников, роскошно одетых придворных. Редкостные растения, драгоценности, сверкающее оружие, расшитые золотом ковры, мозаика, мрамор, парча. Несмолкаемый гул — разговоры и шаги людей, бряцанье сабель, щебет заморских птиц.

Все это утомляло взор, раздражало слух, засоряло мысли. Хасан предпочитал тишину домашнего кабинета, аромат арабийского кофе, благородное спокойствие обстановки.

Обычно он, как подобает человеку его ранга, возвращался домой верхом или в паланкине, но сегодня решил пройти пешком.

Вечерами линии зданий, мостов, деревьев становились четкими — в отличие от полуденных часов, когда красота города казалась утомленной, размытой. Когда звук человеческих голосов раздражал слух, точно жужжание назойливых мух, а жара словно придавливала к земле.

Сейчас прохлада ласкала тело, настраивала мысли на неспешный, спокойный, глубокий лад. Ничто не будоражило ни ум, ни сердце.

Решение отправить Амира в Хорасан и оставить Алима в Багдаде далось ему нелегко, тем более что Алим не отличался тщеславием и легко подчинился бы решению уехать в Мерв. Он был наивный, пылкий и юный, его влекли приключения. Амир, напротив, мечтал о дворцовой роскоши и, должно быть, спал и видел, как бы занять достойное место в ведомстве отца, чтобы затем унаследовать его пост.

Служба связи в халифате была развита весьма высоко. Было проложено множество почтовых дорог, сотни почтальонов ежемесячно перевозили письма, документы и требующие срочной доставки вещи, используя мулов, лошадей и беговых верблюдов. Не все пути сообщения были безопасными, многие пролегали через участки пустыни или безлюдные места, где можно было легко встретить шайку разбойников. Тем не менее должность почтового гонца считалась престижной: многие багдадские отцы отдавали своих сыновей на выучку этому делу.

Младшие служащие главного почтового ведомства Багдада — бариды — инспектировали чиновников всех почтовых трактов халифата, заботились об их жаловании, тогда как помощники Хасана были советчиками халифа во время его путешествий или отправке войска.

Начальник почтового ведомства пользовался особым доверием главы государства, ибо к нему поступали послания со всех концов света, и именно он отвечал за то, чтобы Харун аль-Рашид был в курсе самых последних и важных известий.

Хасан отделял донесения или прошения, недостойные того, чтобы их узрели светлые очи правителя, и передавал их визирю или в другие диваны[1]. Немалую пользу в этом смысле барид приносил службе доносов, с которой тесно сотрудничал. Такое взаимодействие создавало хорошую почву для дачи взяток, чем пользовались многие нечистые на руку чиновники.

Именно в этом заключалась одна из причин, по которой Хасан не хотел, чтобы Амир служил под его началом. Старший сын был равнодушен к легким деньгам, склонен к развлечению, при этом не отличался здравым смыслом. Того и гляди пойдет по скользкой дорожке! Уследить за ним будет нелегко; между тем не прошло и полугода с того момента, как Багдад потрясло известие о внезапной казни великого визиря Джафара Бармекида[2], доселе имев-

шего огромное влияние при дворе. Многие члены его семьи и преданные ему люди были брошены в темницу, публично унижены и лишены имущества. Хасан знал: такая участь может постигнуть каждого, кто небрежен и недальновиден в речах и поступках.

Он уверял себя в том, что рано или поздно Амир сумеет применить свои таланты в благородных делах. Старший сын Хасана обладал способностью располагать к себе людей: этому помогала и чарующая улыбка, и глубокий взгляд красивых глаз, и умение убеждать собеседника. К сожалению, до сего момента Амир использовал свой дар лишь для того, чтобы очаровывать женщин. Потому Хасан считал, что суровая жизнь вдали от соблазнов и роскоши, служба у молодого наследника халифа пойдет ему на пользу.

Хасан ожидал, что после того, как он обнародует свое решение, Зухра замучает его истериками и утомит мольбами. Но она молчала. Молчал и Амир. Похоже, мысли жены и сына были заняты чем-то другим. Или они смирились? Он не очень-то в это верил.

Все, что свершается, справедливо, как верно то, что все когда-нибудь пройдет. Зачем попусту терзать себя, если «Аллах создал вас и то, что вы делаете». Хасан знал эти слова так же хорошо, как и первую суру Корана[3]. Да, окружавшие его люди были в чем-то порочны, несовершенны, и в том не было их вины. Да, втайне он дорожил Алимом куда больше, чем Амиром, и был не властен над собой.

Никто не может спорить с Аллахом, судьбой и временем. Млада умерла, и его сердце навсегда опустело, а душа покрылась пеплом. Он любил бы Зухру, если б она не успела показать, что представляет собой на самом деле. Он имел наложниц, но то была услада для тела, не для души.

— Хасан?

Давно никто не окликал его просто по имени, и Хасан удивленно обернулся. Перед ним стоял невысокий полный человек с седой бородой, одетый так, как одеваются кади[4], — в черный плащ и высокую черную шапку со спадавшей на затылок повязкой. Прошло не меньше двух минут, прежде чем Хасан его узнал.

Хасан ибн Акбар аль Бархи был мужчиной во цвете лет, он так и выглядел. Сейчас он видел перед собой ровесника, которому легко можно было дать лет на десять-пятнадцать больше.

Этого человека звали Ахмед ибн Кабир аль Халиди; когда-то они с Хасаном вместе учились в знаменитой на весь халифат школе права в Мекке. Ахмед был спокойным, старательным, вдумчивым юношей, обладавшим великолепной памятью. Его истинной страстью была литература, он пробовал заниматься сочинительством, но родители Ахмеда решили, что поэзия — ненадежное и не достойное уважения дело и сын должен изучать право.

Ахмед не стал спорить с родителями и отправился в Мекку. Он хорошо учился, но при этом не изменил своему увлечению: знал множество стихов и мог перечислить всех известных поэтов своего времени. Однажды удивил Хасана, сказав: «Мир книг — куда более красочный, похожий на истинную жизнь, чем та реальность, что нас окружает. С его помощью можно увидеть такие картины, каких не встретишь в самых сказочных путешествиях!» Помнится, они рассуждали и спорили обо всем на свете!

Закончив учебу, Ахмед остался в полюбившейся ему Мекке, величайшем городе правоверных, а Хасан вернулся в Багдад.

Хасан не любил возобновлять старые знакомства: со временем люди менялись и, как правило, не в лучшую сторону. Но он не мог сделать вид, будто не знает прохожего — это было бы крайне невежливо.

— Не узнаешь?

— Узнал!

— Не сразу, — улыбнулся Ахмед.

Хасан пожал плечами.

— Что поделать: мы не виделись столько лет!

Внезапно Хасан почувствовал, что искренне рад этой встрече. На него повеяло былым, неповторимым духом тех времен, когда они оба были молоды и не боялись раскрыть друг другу душу. Когда вокруг, куда ни глянь, простиралось будущее, а не пустой бессмысленный мир, в котором все искажено и вещи потеряли свое истинное значение.

— Давно в Багдаде? — спросил он.

— Давно.

Внезапно взгляд собеседника помрачнел, в нем промелькнула тень тяжелых воспоминаний.

— Где живешь?

— Близ Басрийских ворот. А ты?

Хасан ответил.

— С семьей?

— Да. У меня два сына, двадцати и пятнадцати лет.

Ахмед печально улыбнулся.

— Нас всего двое — я и моя дочь Джамиля. — И повернулся назад.

Хасан увидел девушку, стоявшую на шаг позади отца. Прежде он попросту не заметил ее в бесконечном людском потоке.

На него смотрели такие же большие прекрасные глаза, какие были у юной Зухры. Но если во взоре Зухры было сокрыто нечто неведомое и темное, то взгляд дочери Ахмеда являл собой вход в светлый и чистый мир, мир мечты, радости и надежды.

Хасан почувствовал, как взволнованно забилось сердце.

Он слегка кивнул, и девушка ответила вежливым поклоном.

— А ...твоя жена?

— Когда мы ехали из Мекки в Багдад, Зару укусила змея. Моя единственная и любимая супруга навсегда осталась в пустыне.

— Сожалею, — с искренним огорчением произнес Хасан и добавил: — Нам нужно встретиться и поговорить. За те годы, что мы не виделись, произошло много событий — не только в жизни каждого из нас, но и во всем халифате!

— О да! Я приглашаю тебя в гости. Джамиля прекрасно готовит кофе. Воистину напиток Аллаха!

— С удовольствием попробую.

Они назначили день встречи, раскланялись и распрощались. Хасан проводил Джамилю долгим взглядом. Всего одна жена и одна дочь! Ахмед не изменился. Он говорил о сотнях возможностей человеческой жизни, о бесконечности мира, тогда как привязанности его собственного сердца всегда имели четкие границы.

Всю неделю Хасан пребывал в приподнятом настроении. Он предвкушал долгий разговор по душам с Ахмедом и улыбку его прекрасной дочери Джамили. Собираясь в гости к другу, надел лучшее платье, которое, тем не менее, выглядело достаточно скромным: белая рубашка тончайшего полотна, длинный кафтан темно-зеленого шелка, пояс с медным набором, и светло-зеленая чалма. Наряд дополнял кинжал с костяной рукояткой в ножнах, затянутых темной кожей с тисненым орнаментом.

Древняя простота одеяний давно уступила место истинно азиатской, порой прямо-таки кричащей роскоши. Однако Хасан полагал, что истинный араб должен быть верен внутреннему спокойствию, чувству собственного достоинства, служить примером духовного превосходства, а не стремиться поразить пышностью и богатством одежды. Он любил и ценил дорогие красивые ткани, но считал, что настоящий мужчина не должен наряжаться ярко, как евнух.

Ахмед радушно принял старого друга и усадил на диван. Был подан горячий рассыпчатый плов, потом — прохладный шербет и свежие фрукты.

Они говорили о том о сем, вспоминали прошлое: беззаботные молодые годы, своих учителей, бывшие мечты и надежды.

— Ты доволен жизнью? — спросил Хасан.

— Да, хотя тебе известно: это не то, о чем я мечтал в юности, — печально улыбнувшись, ответил Ахмед. — Но у меня достойное положение, хорошее жалованье, мне не стоит бояться будущего. А ты?

Хасан глубоко вздохнул. Он знал: слова, что жемчужины, рассыплешь — не соберешь. Если сам не сберег свои тайны — что надеяться на другого! Но он не просто понимал, а чувствовал: Ахмед — свой человек, ему он может сказать то, в чем не признается никому другому.

— Возглавляю почтовое ведомство Багдада. Вхож во дворец, делаю доклады визирю, меня принимает сам халиф. Дом, деньги, семья — все есть. Нет самого главного — надежности, уверенности в том, что завтра все не пойдет прахом.

— О чем ты?

— О правлении халифа. Харун расточителен, когда речь идет о придворных развлечениях, но беспощаден и жаден при сборе налогов. Если б ты знал, какие письма порой попадают в мои руки, что творится в провинциях, какие настроения владеют народом! Халиф закрывает на это глаза, а я не могу.

— Чего ты боишься?

— Того, чего боятся все мирные люди, — войны. Кровавой распри. Столько враждебных лагерей! Богатые и бедные, арабская и персидская аристократия, а теперь еще два наследника!

— Я слышал, братья дали клятву у стен Каабы[5], — заметил Ахмед.

— Когда речь идет о реальной власти, такие клятвы не стоят ни одного дирхема.

Хасан, явно расстроенный, замолчал. Он не мог сказать Ахмеду о том, что положение в собственной семье угнетает его не меньше, чем положение в халифате. Когда речь шла об интересах Амира, Зухра вела себя подобно хищнице. Она что-то затевает. Он вспомнил ее пронизывающий, мрачный, всезнающий взгляд. Хасан подозревал, что именно она сжила со свету Младу. Родня Зухры и она сама знали толк в ядах. Но доказательств не было. Может, изменить решение и отправить Алима в Хорасан, подальше от козней двора и ревности мачехи?

О, если б дома его ждал мир, встречала светлая сердцем и чистая душой жена!

— Успокойся, — сказал Ахмед. — Просто делай то, что тебе поручено. Ты честен и смел, ты всегда был таким. Оставь тревоги и страхи неверным своему слову, мелочным и малодушным людям. Вот увидишь, ураганы и бури пронесутся мимо! Сейчас Джамиля подаст кофе.

Когда девушка вошла с подносом в руках и скромно поклонилась, Хасан понял, как долго ждал этого момента. Сегодня на ней был бирюзовый наряд, подчеркивающий нежную девичью красоту, серебряные браслеты с крошечными колокольчиками на запястьях и щиколотках и длинные филигранные серьги. Накинутое на голову белое покрывало прикрывало волосы и лоб.

Джамиля улынулась отцовскому гостю и опустила ресницы. Одного ее взгляда было довольно, чтобы по телу Хасана пробежала волнующая дрожь.

Девушка опустила на столик блюдо с халвой, рахат-лукумом, медовыми лепешками и засахаренными орешками, разлила по чашкам ароматный кофе.

Когда Джамиля ушла, Хасан с трудом перевел дыхание.

— Какая красавица! — осторожно произнес он.

Ахмед улыбнулся, довольный похвалой.

— Глядя на Джамилю, я словно смотрю в глаза моей ненаглядной Зары! — И, помолчав, добавил: — Аллах не дал мне сына, зато подарил прекрасную и разумную дочь. Я научил Джамилю читать и писать. Она любит и ценит поэзию так же, как ее некогда любил и ценил я.

Хасан не знал, что сказать. Немногие женщины в халифате знали грамоту. Зухра умела читать, но она не интересовалась стихами и свои знания использовала в основном для того, чтобы украдкой заглядывать в его письма.

Какой он хотел бы видеть свою супругу? Великодушной, доброй, любящей, нежной. Если это было бы так, то и ум пришелся бы кстати.

— Не думай, Джамиля — истинная мусульманка, слушается отца и будет покорна мужу, — поспешно добавил Ахмед, почуяв в молчании друга невольное осуждение.

— У твоей дочери есть жених? — Хасан старался говорить небрежно и спокойно.

— Пока нет. За нее сватались солидные люди. Многие были моими ровесниками. Я бы хотел выдать Джамилю за молодого, чтобы она была первой, старшей, любимой.

Собеседник пожал плечами. Что ветреный, легкомысленный юнец, вроде Амира, понимает в женщинах? Вот он, Хасан, в свои сорок два способен окружить жену настоящей любовью и роскошью!

— Сколько ей?

— Семнадцать. Знаю, пора выдавать замуж, да все не могу с ней расстаться!

— Понимаю.

Говорить далее на эту тему Хасан счел неудобным, и они с Ахмедом вновь предались воспоминаниям.

Начальник барида покинул дом гостеприимного друга лишь тогда, когда по небу рассыпались жемчужины звезд, а воздух стал прохладен и чист, как ключевая вода.

Хасан неспеша возвращался домой и думал: о сегодняшнем вечере и о том, что ждет его впереди. Впервые за долгие дни он чувствовал себя не просто умиротворенным, а полным надежд. Ему казалось, он изменился, как изменилось время: теперь оно не просто мерно отсчитывало однообразные, лишённые смысла секунды, а проникало в душу, подхватывало невидимым потоком, стремительно увлекая в будущее.

Как могло случиться, что он позабыл, что такое мечты? Почему он думал, что больше ему не суждено полюбить?

Амир возвращался домой после очередного свидания с Зюлейкой. Предутренняя тишина казалась волшебной. Из-за горизонта показались первые солнечные лучи, и в воздухе плыла золотистая пелена. По дороге медленно ползли янтарные полосы света, деревья и здания казались облитыми тонким нежным сиянием.

Амира радовало все, что он видел вокруг. Он ощущал удивительную легкость в душе и в теле. У него было особое настроение. Казалось, его затянуло в поток бесконечного сладкого сна, в котором он был не волен что-то менять. Дни бежали один за другим, и в каждый из этих дней он жил настоящим и не думал о будущем. У него была Зюлейка, ее любовь, их тайные упоительные встречи.

Минувшая ночь была лучшей из всех, что они провели вместе. Их страсть достигла такого накала, что оба едва не теряли сознание. Иногда им чудилось, будто властная, огненная, безумная, рожденная слиянием тел сила важнее и главнее жизни.

Единственный неприятный момент случился тогда, когда девушка застенчиво спросила, как скоро он на ней женится или хотя бы возьмет в свой дом. Сказать было нечего, и молодой человек ответил поцелуем.

То, что Зюлейка должна принадлежать ему, Амир понял сразу, как только ее увидел, понял, как очевидную и простую истину. Он не задумывался о том, что будет дальше, и не хотел, чтобы об этом думала девушка. Ему нравилась Зюлейка, но он не давал обещания жениться на ней и не собирался этого делать. Конечно, она лучшая из всех, кто у него был, самая красивая, страстная, прямодушная. Но этого явно недостаточно для того, чтобы никогда не расставаться с ней.

Амир тихо прошел в дом и вошел в свою комнату. Вошел и вздрогнул: на диване сидела женщина. Тонкое красивое лицо. Большие темные, глядящие с горячей настойчивостью глаза, властно сжатые губы, нервно сплетенные пальцы. Мать.

— Где ты был? Я провела ночь в твоей комнате — ждала и не могла дожждаться!

Амир сел и пристально посмотрел на нее.

— Я должен отчитываться?

— Ты делаешь не то, что должен делать человек в твоём положении, не думаешь о будущем! Тебя отправляют в ссылку, а ты ведешь себя так, будто тебе все равно! — запальчиво произнесла она.

Амир пожал плечами.

— Просто я не знаю, что можно сделать. Разве что отец одумается и изменит решение.

— Он никогда его не изменит, — сказала Зухра. — Хасан решил отделаться от нас с тобой и начать новую жизнь. Ты знаешь о том, что твой отец женится?

Молодой человек вскинул брови.

— Женится? Нет. Он мне не говорил. Полагаю, это его личное дело.

— Ты на его стороне?!

Амир вздохнул.

— Пророк разрешил нам иметь четыре жены, мама.

Зухра презрительно скривила губы.

— Ах да, я забыла, ты ведь тоже мужчина!

— Я всего лишь напомнил тебе о Коране.

— Я знаю Коран. И знаю людей. Никому из смертных не удавалось начать жизнь заново!

— Кто она? — спросил Амир.

— Дочь какого-то судьи. Говорят, молода и очень красива.

— Вот как? В таком случае я понимаю отца.

Женщина усмехнулась.

— Ты считаешь меня старухой?

— Вовсе нет. — Амир приблизился к Зухре и нежно взял ее руки в свои. — Не стоит огорчаться! Все равно ты остаешься первой и старшей женой и не дашь спуска этой юной красавице.

Зухра нахмурилась.

— Хасан сказал, что не позволит приближаться к ней. Он угрожал, он меня унижил. Сказал, если я посмею раскрыть рот и промолвить хоть слово, он запрет меня в комнате и будет держать как пленницу. Похоже, он не на шутку влюбился в эту девчонку! Еще месяц назад он и слухом не слыхивал о ней, а теперь...

— Да, это скверно. И глупо. Когда свадьба?

— Не знаю. Пока впереди сватовство. И ты должен этому помешать.

От неожиданности Амир вскочил с места.

— Я?! Каким образом? При чем тут я! Я не смогу.

— Сможешь.

— Как?

— Придумаю. Хасан никогда не ляжет в постель с этой девчонкой. Уж лучше я умру или... — Она недоговорила.

Амир с изумлением смотрел на мать. В ее лихорадочно блестящих глазах не было и тени смирения или мольбы. В этот миг у Зухры был вид грешницы, которая бесстрашно, более того, с упоением спешит навстречу аду.

— Хорошо, мама, — промолвил молодой человек, — я тебе помогу, если только ты скажешь, как это сделать.

Зюлейка усердно подметала двор, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Нужно поскорее закончить работу, иначе Надия опять обзовет ее ленивой ослицей. Стоял полдень, воздух раскалился, все вокруг казалось безжизненным, поникшим; создавалось впечатление, будто свет заслоняет тонкая дымовая завеса.

По телу сбегали ручейки пота, в глазах плясали зеленые и красные пятна. Девушка остановилась, поправила растрепавшиеся волосы, вытерла лоб. Хорошо, что Амир не видит ее такой — в убогом дворике, с метлой в руках. Впрочем, он не раз говорил о том, что его не волнует ее бедность. Амир пытался подарить девушке украшения и одежду, но Зюлейка отказывалась: она не смогла бы объяснить дяде, откуда взялись наряды.

Зюлейка испытывала легкое приятное возбуждение, какое чувствовала всегда, когда думала об Амуре. Нынешней ночью они не встретятся. Сегодня полнолуние, и она ждала обычного женского недомогания. Амир понял ее намек и сказал, что будет лучше, если они оба немного отдохнут. Он придет через три дня. Зюлейка надеялась, что эти дни пролетят быстро.

Закончив подметать двор, девушка поставила метлу на место и собиралась идти в дом, как вдруг ей стало плохо. Тело охватила неприятная липкая дрожь, руки и ноги похолодели. Зюлейка схватилась за горло, заметалась по двору, подбежала к забору и быстро наклонилась над чахлой травой. Ее стошнило. Выпрямившись, девушка заслонила глаза от нестерпимо сверкавшего солнца.

Что это с ней? Она никогда еще не испытывала такой слабости и дурноты. И прилечь нельзя: в доме столько дел! Надия ушла на рынок вместе с дочерьми, а перед этим приказала племяннице переделать кучу работы.

В конце концов, Зюлейка выполнила все поручения, но не старательно, кое-как и в результате заработала пощечину.

— В последнее время ты даром ешь хлеб, — прошипела Надия. — Еле двигаешься, лентяйка!

Зюлейка заплакала, что случалось нечасто. Плакала она и ночью, лежа на крыше, сжавшись в комочек под огромной луной. Впервые в душе девушки шевельнулась обида на Амира. Почему он не заберет ее отсюда, зачем заставляет вести двойную жизнь? Как-то раз она осмелилась спросить, когда он на ней женится, но Амир ушел от ответа. Нужно поговорить с ним еще, напомнить о том, как тяжело ей живется дома.

К концу третьего дня Зюлейка была сама не своя от желания увидеть возлюбленного. К прежним переживаниям прибавились другие, куда более серьезные и мучительные. Три ночи прошли напрасно. На сей раз луна не оказала на ее тело никакого воздействия. Зюлейка была достаточной взрослой для того, чтобы понимать, что это означает. У нее будет ребенок.

[1] Правительственные учреждения.

[2] Бармекиды — древний род иранского происхождения. Яхья, ибн Халид, воспитатель Харун аль-Рашида, после вступления халифа на престол был назначен визирем с неограниченными полномочиями и семнадцать лет правил халифатом с помощью своих сыновей Фадла и Джафара. Вопреки мнению современников падение Бармекидов подготавливалось в течение длительного времени и было вызвано не личными отношениями, а стремлением халифа сосредоточить в своих руках всю полноту государственной власти.

[3] Первая сура Корана — первая глава священной книги мусульман, Корана, является мусульманской молитвой, равной по значению «Отче наш» для христиан.

[4] Кади — мусульманский судья, занимающийся уголовными и гражданскими делами.

[5] Кааба — храм в городе Мекка, представляющий собой прямоугольное здание, в углу которого находится черный камень — мусульманская святыня.

Глава четвертая

Рассвет был лимонно-зеленым, прозрачным и нежным, как утренний сон. На горизонте таяли слоистые облака. По каменным стенам домов ползли пятна первых солнечных бликов. Все обещало прекрасный, яркий, полный событий день.

Именно в этот день, день, когда должно было состояться сватовство, Хасан обнаружил, что не может подняться на ноги. В глазах потемнело, тело сковала слабость, в виски будто стучали сотни крошечных молоточков. Спешно вызванный хаким[1] озабоченно покачал головой и пустил больному кровь, строго-настрого наказав не вставать с постели.

Хасану чудилось, будто его окружает кольцо вязкого непроницаемого тумана. Ему было страшно осознавать, что есть нечто такое, что царит над людьми, властвует над их судьбами, может в любой миг провести роковую черту и подвести итог земной жизни.

За окном раскинулись ярко-зеленые кусты жасмина, их крепкий запах проникал в комнату. Густая узорчатая завеса виноградных листьев оплела наружные стены дома, гибкие лозы свисали с оконных переплетов. Птицы вели веселый перезвон, ровно гудели пчелы. В тишине комнаты даже далекие звуки слышались удивительно отчетливо.

Казалось, всюду бурлила жизнь, и только его одного внезапно покинули силы. Хасан подозревал, что ему подсыпали яд, — при дворе случается всякое, у начальника главного почтового ведомства Багдада могли найтись недоброжелатели и завистники. А может, виной переутомление, жара, «кровь ударила в голову», как сказал хаким.

Вошла Зухра с освежающим напитком. Поставила чашку на столик, села у изголовья мужа и положила руку на его лоб. Рука была дивно легка, нежна и прохладна. Она молча сидела рядом, и Хасан смотрел в обрамленное черными, блестящими, как вороново крыло, волосами лицо жены с гладким безмятежным челом и глазами, темными и загадочными, как ночное небо. Она была не просто красива, в ее красоте было нечто такое, что действовало на людей. Притягивало подобно магниту и одновременно отталкивало, пугало.

Прошла не одна минута, прежде чем Хасан решился заговорить с Зухрой о том, что его волновало.

— Ты знаешь, какой сегодня день?

Женщина кивнула.

— Я во что бы то ни стало должен быть у Ахмеда!

— Мой господин серьезно болен, — озабоченно произнесла Зухра. — Придется подождать, пока он сможет вставать с постели. Пошли людей, пусть передадут, что ты не сможешь приехать.

— Я не могу отправить туда слуг. Это... это будет невежливо. Ахмед может заподозрить, что я передумал.

Голос женщины звенел от напряжения, когда она сказала:

— Поручи это Амиру. Он твой старший сын и доверенное лицо. Думаю, он сумеет найти нужные слова. Отец... твоей будущей жены все поймет и не обидится.

Хасан поразился ее самообладанию. Стало быть, он очень дорог Зухре, если ради него она сумела подавить ревность собственницы!

— Позови сына.

Амир вошел, поклонился, справился о самочувствии отца и внимательно выслушал его слова. После согласно кивнул. Да, конечно, он передаст Ахмеду ибн Кабир аль Халиди, что Хасан ибн Акбар аль Бархи заболел, потому сватовство состоится в другой день, и в изысканных выражениях произнесет извинения от его имени.

Когда Амир вышел за дверь, Хасан облегченно вздохнул и устало смежил веки.

Зухра выскользнула следом за сыном и сжала его руку.

— Ты обещал!

— Я не знаю, как это сделать! — в смятении произнес Амир.

— Скажи, что отец заболел, тяжело и надолго, и сватовство откладывается на неопределенный срок! Главное — выиграть время! — жарко прошептала женщина.

— Отец впрямь серьезно болен? — спросил Амир, не сводя с матери недоверчивого подозрительного взгляда.

— Откуда мне знать, — уклончиво произнесла Зухра и с горячей настойчивостью прибавила: — То, о чем я прошу, очень важно. Это вопрос жизни и смерти. В судьбе каждого человека существует нечто такое, что требует отдавать кровь и плоть. И душу. Все без остатка. Для меня этим «нечто» всегда была любовь к твоему отцу. Я не могу уступить Хасана другой женщине!

Амир не знал, что сказать. Он подумал о том, что будь его мать мужчиной, она бы многого добилась: правила людьми, вершила судьбы. Аллах наказал ее, вселив столь неистребимый, изобретательный дух в тело женщины! Неужели именно она устроила внезапную болезнь отца и визит его, Амира, к неведомому Ахмеду? Если так, то ее возможности воистину безграничны, а власть кажется страшной!

Что ж, если он ей поможет, возможно, Зухра сумеет решить его проблему?

Молодой человек вспомнил вчерашний разговор с Зюлейкой. Она сказала, что ждет ребенка. В тихом голосе девушки сквозило отчаяние, но Амир не поддался жалости. Не успокоил и не утешил. Между ними воцарилось тяжелое молчание. Потом он ответил, что постарается что-нибудь придумать. Его голос звучал отчужденно и холодно. Зюлейка закрыла лицо руками и заплакала.

Амира снедала тревога. Он не желал жениться на Зюлейке, да и отец ни за что не допустит, чтобы его сын взял в жены племянницу мелкого торговца! С другой стороны, помешанный на честности, слепо верный законам Корана Хасан может заставить его признать ребенка.

Вчера Амир внезапно увидел, как бедно одета Зюлейка, заметил, что ее волосы причесаны небрежно, ногти обрезаны кое-как, загорелые ноги покрыты пылью. Что ее речь неграмотна, простонародна. Заметил и поразился, чем его могла привлечь эта девушка? Тем, что самозабвенно и отчаянно отдавалась, с радостью предавалась непристойным играм? Это говорило о ее бесстыдстве. Ни один разумный мужчина не возьмет такую женщину в жены. Амир брезгливо поморщился и решил, что больше никогда не дотронется до Зюлейки.

Поглощенный своими мыслями, он не заметил, как доехал до дома кади Ахмеда ибн Кабир аль Халиди. Сопровождавшие Амира слуги знали дорогу.

Молодой человек знал, что опоздал к назначенному часу, но это было неважно. Беда заключалась в том, что он до сих пор не придумал ничего подходящего. Сказать, что отец заболел и не смог приехать? Что даст Зухре эта отсрочка?

Амир спешил к воротам дома кади и тихо вошел в незапертую калитку. Слугам велел ждать на улице.

Молодой человек очутился в маленьком дворике: земля была выложена широкими, потрескавшимися от жары и времени известковыми плитами, ветви высоких деревьев приятно затеняли небольшое пространство, посреди которого бил фонтан в виде простой каменной чаши. Амиру нравились такие уголки: в них с неиссякаемой волшебной силой царила память о древних временах.

Возле фонтана стояла девушка с кувшином в руках. Шум воды приглушил шаги Амира, потому она не заметила нежданного гостя.

На ней была светло-вишневая, с золотой вышивкой рубашка — легкость воздушной ткани создавала вокруг тела девушки полупрозрачный, колышущийся ореол. Четкая линия бровей подчеркивала сияние глаз, шея была длинной, тонкой и смуглой, на заплетенные в

косы волосы наброшена унизанная золотыми цехинами шаль. Движения незнакомки, когда она набирала воду, были отточенными, гибкими, полными дивной грации и тайного огня.

Прекрасная женщина с кувшином возле источника — идеал, живущий в сердце каждого истинного араба! Амир был поражен. Прежде ему не приходилось переживать момент осознания чувственной красоты с неким духовным взлетом.

Внезапно сердце неприятно захолонуло. Вероятно, это и есть дочь кади, на которой хочет жениться отец! При виде красивой женщины Амир всегда вспыхивал, подобно сухому труту. Но сейчас он почувствовал нечто более сильное и глубокое, чем вожделение, более острое, чем зависть к тому, кому достанется эта девушка.

Темные письма Книги судеб неведомы никому, и никто не в силах уклониться от предначертанного. Увидев незнакомку, Амир понял, что именно эта женщина должна стать его первой и любимой женой.

В этот миг Джамиля повернулась и встретила взгляд гостя. От неожиданности она едва не выронила кувшин и замерла, не зная, убежать или нет. Перед нею стоял оживший герой ее тайных грез: именно таким Джамиля представляла своего будущего мужа.

Молодой человек сделал шаг вперед и отвесил легкий изящный поклон.

— Я пришел к Ахмеду ибн Кабир аль Халиди. Он дома?

— Да, — прошептала девушка.

Амир почувствовал, как пересохло в горле.

— Как тебя зовут? — выдавил он.

— Джамиля, — все так же тихо ответила девушка.

Утром они ждали Хасана ибн Акбар аль Бархи, но он не появился. На всякий случай отец велел Джамиле не снимать праздничную одежду. Хасан не способен обмануть, сказал он. Стало быть, что-то случилось, ему помешало нечто важное. Возможно, он придет позже.

Девушка была охвачена противоречивыми чувствами. На сегодняшний день отец отменил все дела и встречи. К Джамиле сватались много раз, но, похоже, отец впервые был готов дать согласие на брак и всячески убеждал ее не противиться.

Ахмед несказанно удивился, когда начальник барида заявил о желании посвататься к его дочери. Но размышлял недолго. Хасан был его близким другом, к тому же он, как и сам Ахмед, видел правду жизни, какова она есть, не затуманенную высокими словами, жадой денег или слепого преклонения перед властью.

Его друг сказал, что полюбил Джамилю, а Ахмед знал, какими благами способен окружить женщину по-настоящему влюбленный мужчина! Хасан занимал хорошую должность при дворе правителя правоверных, он состоялся как личность, как мужчина, отец; его положение прочно, с ним Джамиля не узнает ни забот, ни горя.

Конечно, Хасан был много старше дочери Ахмеда, но это не имело значения. Мужчина молод, пока может держать в руках саблю, ездить верхом, ублажать жен и иметь потомство.

Что такое любовь ветреных молодых людей? Она похожа на изменчивый поток; пронесется, как ветер, оборвет лепестки цветка, высушит его сладкие соки и оставит увядать на обочине пыльной дороги!

Едва девушка успела сообщить о приходе гостя, как Амир вошел в дом. Джамиля скромно удалилась. Навстречу молодому человеку вышел ее отец.

Амир поклонился и назвал себя, прибавив:

— Меня прислал отец.

— Что с Хасаном? — взволнованно произнес Ахмед.

— Он заболел. Просил сказать, что не сможет прийти.

— Что с ним? — повторил Ахмед.

— Не знаю. Должно быть, виной волнение, переутомление или жара. Врач пустил ему кровь и не велел вставать с постели. Полагаю, он скоро поправится.

На лице Ахмеда появилось выражение облегчения, его взгляд потеплел.

— Прошу, передай Хасану, пусть не волнуется. Да пошлет ему Аллах много здоровья и долгих лет жизни!

Хозяин дома предложил Амиру сесть, и тот опустился на диван. Слуга принес шербет и фрукты. Ахмед зажег серебряную курильницу, и помещение наполнилось запахом лаванды.

Молодой человек молчал. Он забыл, что пришел сюда, повинаясь воле матери. Сейчас он думал о себе, о своих желаниях. Он жаждал следовать внезапно вспыхнувшему чувству, сполна отдаться ему, не думая о последствиях. Амиру чудилось, что он обрел редкую ясность мыслей и неведомые ранее душевные силы.

— Отец поручил сказать еще кое-что. Его сватовство к твоей дочери не состоится.

Ахмед вздрогнул. У него был немного печальный, добрый, удивительно прямой взгляд.

— Он передумал?

Амир набрал в грудь побольше воздуха.

— Да. Потому что решил уступить первенство мне. Я, Амир ибн Хасан аль Бархи, намерен просить у тебя руки Джамили.

Ахмед замер. Он мог ожидать чего угодно, только не этого! На свете найдется немало людей, которые следуют своим собственным законам, подчиняются непостижимым велениям сердца и разума. Хасан был не из их числа.

В то же время этот юноша выглядит здравомыслящим и серьезным... Воистину, Аллах творит, что желает!

— Вскоре я покину Багдад, — продолжал Амир, — отправлюсь в Хорасан в свите правителя правоверных, великого Харун аль-Рашида, и принца Абдаллаха аль-Мамуна. Если ты дашь согласие на брак, мы ускорим свадьбу и я смогу взять Джамилю с собой. Мы поселимся в Мерве, я окружу твою дочь уважением и любовью, каких она, без сомнения, заслуживает!

Ахмед постарался взять себя в руки.

— Благодарю за оказанную честь. Все это весьма неожиданно для меня, — осторожно промолвил он. — Я должен подумать. Джамиля — моя единственная дочь, и я намерен устроить ее судьбу наилучшим образом.

Амир поднялся с места, хозяин дома — тоже.

— Если позволишь, я зайду через несколько дней, чтобы узнать твое решение.

Ахмед выдержал паузу, после чего промолвил:

— Будет лучше, если это сделает Хасан. Брак — серьезное дело. Я намерен с ним поговорить.

Молодой человек изменился в лице. Он должен был понимать, что ему не на что рассчитывать. Если отец Джамили и поверил его словам, он наверняка счел себя оскорбленным «двойным» сватовством и решил, что в семействе аль Бархи царят сомнительные нравы.

Амир покинул дом судьи и отправился домой, не видя ни дороги, ни людей. О Джамиля! Впервые в жизни его интересовало не только тело женщины, но и ее душа. Какие мечты, какие воспоминания живут в ее сердце? Какой свет озаряет и какие тени омрачают ее мысли? Один взгляд этой девушки был подобен целому миру, доброй сотне несказанных слов, череде сладких снов, которые снятся на рассвете!

Амир грезил о Джамиле с глубокой нежностью, тогда как о Зюлейке думал лишь в тот момент, когда его обуревали страсть и ненасытное грубое желание.

После того как молодой человек ушел, Ахмед позвал дочь и рассказал ей о том, что услышал. Смятенное выражение лица Джамили внушило ему тревогу, и он тут же раскаялся в том, что посвятил дочь в подробности случившегося.

— Все это кажется очень странным, — заметил Ахмед. — Хасан так горячо убеждал меня в том, что хочет жениться на тебе, и вдруг... С чего здесь появился его сын, да еще с такими неожиданными намерениями! — Он помрачнел. — Вы виделись прежде?

— Нет.

— Тогда я тем более не понимаю, откуда такая внезапность. Кто-то явно лжет, и похоже, что этот молодой человек...

Джамиля не слушала отца. Она была воспитана на книгах, выдуманных историях, пылких стихах, и собственное воображение всегда имело над ней куда большую власть, чем правда жизни.

— Отец! — девушка взяла его за руки. — Ты всегда говорил о том, что хочешь моего счастья! Что не желаешь меня неволить. Я не желаю становиться женой Хасана ибн Акбар аль Бархи! Умоляю, выдай меня за его сына!

Ахмед нахмурился. Он догадывался о том, что произошло. Джамиля увидела красивого молодого человека (а он и правда был очень красив!), мгновенно влюбилась и теперь мечтала о счастье. О лихорадочном, пылком, горячем счастье. Дочь не подозревала о том, что оно может быть и другим: неторопливым, спокойным, надежным. Когда-то Ахмед сам был молод и представлял мир совсем не таким, каким он оказался на самом деле.

Теперь по роду занятий ему приходилось сталкиваться с самими разными проявлениями мошенничества, обмана и подлости. Окружающая действительность была пропитана лицемерием, фальшью, жадной сиюминутных удовольствий и — денег. На долю мечтателей оставалось бессилие и отчаяние.

Хотя повидавший жизнь кади не сомневался в Хасане, поскольку тот разделял его стремления, был его другом, все же по-настоящему доверял только небу, земле, воде и хлебу, тому, что не способно меняться, а главное — изменять.

Ахмед не стал объяснять это дочери и ограничился тем, что сказал:

— Успокойся. Я ничего не решил. Сначала я должен поговорить с Хасаном.

Вернувшись домой, Амир перво-наперво направился к Зухре. Она нетерпеливо поднялась навстречу и положила руки на плечи сына. Взволнованный, полный страстной силы взгляд женщины был устремлен в глаза Амира. Она коснулась ладонями его лица и выдохнула:

— Ну... как?

Молодой человек отстранил руки матери. Сел. Подвинул к себе кувшин с холодной водой, налил в чашу и залпом выпил. По лицу пробежали быстрые тени, во взгляде затаилась смесь растерянности, решимости, упрямства и испуга.

— Я все уладил.

— Каким образом? Что ты сказал?

— Сказал, что отец решил отменить сватовство. И... я заявил, что сам женюсь на Джамиле!

Зухра ахнула и задрожала всем телом.

— Глупый мальчик! Зачем ты это сделал! Отец никогда тебя не простит! Может выгнать из дома, лишит наследства!

Амир смотрел прямо перед собой. Он сжал кулаки и не двигался.

— Пусть. Он без того отправляет меня в ссылку. Он не получит эту девушку. Я уговорю ее убежать, увезу с собой, украду!

— Тебя схватят!

Амир упрямо тряхнул головой.

— Главное — успеть отъехать подальше от города, а после я попрошу защиты у принца аль-Мамуна. Он наверняка обижен на халифа за то, что тот высылает его из Багдада, и будет рад обзавестись человеком, который поклянется служить ему верой и правдой.

— Харун аль-Рашид тоже едет в Хорасан. Он чтит законы веры. Тебя жестоко накажут, могут даже казнить! Амир! Пока не поздно, упав в ноги отцу, скажи, что ошибся, сошлись на временное помутнение разума, на что угодно! Главное, попроси прощения!

— Чтобы он беспрепятственно женился на Джамиле? Ни за что!

Зухра бессильно опустила руки.

— Зачем тебе эта девушка? Она не принцесса, всего лишь дочь судьи!

— Она прекраснее всех на свете.

Пока Зухра обдумывала, как убедить сына отступить от безумной затеи, Амир промолвил:

— Мне нужна твоя помощь в одном деле, мама.

Зухра смотрела суровым, немигающим, как у змеи, взглядом.

— Что ты еще натворил?

Собравшись с духом, молодой человек признался:

— Одна девушка ждет от меня ребенка.

Женщина приложила руки к пылающим щекам.

— О нет! Кто она?

— Ее дядя торгует башмаками. Она мне понравилась, и мы встречались по ночам. Я не думал на ней жениться, просто... развлекался. Но недавно она объявила, что беременна.

— Дядя? А ее отец?

— Она сирота.

Зухра помолчала.

— Ты уверен, что ребенок твой?

— Да. Кроме меня, у нее никого не было.

— Как думаешь, она способна рассказать о случившемся своим родным, прийти сюда и пожаловаться Хасану?

Амир пожал плечами.

— Я называл ей свое имя. Она довольно сумасбродна, так что все может быть... Я намерен сказать, что уезжаю. Если помочь ей избавиться от ребенка, думаю, она будет молчать. Зюлейка боится своей тетки: если та узнает правду, может запросто выгнать ее из дома.

— Зюлейка?

— Да, так ее зовут.

Зухра прошла к нише в глубине комнаты, отодвинула занавеску, сняла с полки ларчик слоновой кости, открыла его и вынула маленький флакон мутного стекла.

— Возьми. Скажи, чтобы смешала с водой и выпила.

Амир кивнул и поцеловал ей руки.

— Что бы я делал без тебя, мама!

— А что буду делать без тебя я! — прошептала Зухра и горестно покачала головой.

Ночью Амир встретился с Зюлейкой. На сей раз не он, а она ждала его возле стены своего сада, дрожащая, поникшая и жалкая. Молодой человек подошел к девушке и коротко произнес, не глядя на нее, не прикасаясь к ней:

— Пойдем.

Луна разливала вокруг мерцающий млечный свет, он омывал деревья, темно-зеленую бахромку листвы, стены домов, и они сияли, как в сказке. Дорога тоже сверкала, напоминая Млечный Путь.

Зюлейка обняла обнаженные плечи и зябко поежилась. На душе лежало тяжелое бремя страха и неуверенности в будущем. Амир шел чуть впереди и молчал. В прежние времена он бы осыпал ее поцелуями, согрел в объятиях, нетерпеливо и пылко овладел бы ею, и они бы вместе взмыли на вершину блаженства. А теперь... Что-то подсказывало Зюлейке, что мужчина, которому она столь бездумно доверила свою судьбу, больше никогда не дотронется до нее, не произнесет ласковых слов, не посмотрит с нежностью и любовью.

Они пришли в пальмовую рощу, где провели столько сладких, безумных минут. Над головой порывисто шумели деревья. Шелковистая трава приятно холодила ноги.

Зюлейка протянула руки.

— Амир!

Он резко отстранился.

— У меня мало времени. Я уезжаю. Далеко. Навсегда. Я не могу взять тебя с собой. Я пришел, чтобы помочь. Дам тебе средство: применишь его — и ребенка не будет. Выпей, не тяни. Будь осторожна, чтобы никто не догадался.

Каждое слово ранило, как удар ножа: Зюлейка молча корчилась от нестерпимой внутренней боли.

— Амир! — прошептала она. — Разве ты не можешь жениться на мне?

— Жениться? — Он скривил губы. — На такой, как ты? Вспомни, как ты лежала на кошме, задрав рубашку, и умоляла взять тебя! Танцевала голой! Отдавалась бесстыдно, как последняя потаскушка!

Зюлейка закрыла лицо руками.

— Ты сам просил меня проделывать такие вещи! Тебе нравилось на меня смотреть! Ты захотел, чтобы я стала твоей. Я не потаскуха, я была только с тобой! Что будет, если дядя надумает выдать меня замуж и супруг поймет, что я уже не девственница!

Амир презрительно усмехнулся.

— Вы, женщины, знаете много уловок, как обмануть нас, мужчин.

Зюлейка зарыдала и скользнула вниз, в траву, к его ногам. Обвила руками, прижалась лицом. Ей казалось, если она схватит его крепко-крепко, станет умолять и просить, он не уйдет. Не оставит. Не бросит.

— Амир! Я никогда не смогу выйти за другого! Я люблю только тебя! Почему ты больше не хочешь меня видеть?

Молодой человек безжалостно произнес:

— Я встретил девушку, на которой решил жениться. Равную мне по рождению, умную и прекрасную, как пери. Все, что случилось в моей жизни прежде, забыто. Любовь — это небесный огонь, а то, что было у нас с тобой, просто развратная игра.

Он наклонился, схватил Зюлейку и рывком поставил на ноги.

Ее взгляд остановился, губы раскрылись, голова моталась из стороны в сторону. Казалось, она вот-вот лишится и чувств, и рассудка.

Амир усадил девушку на землю и прислонил к стволу дерева.

Спустя некоторое время Зюлейка заметила, что осталась одна. Одна в роще, в Багдаде, в целом мире! Она знала это, но не могла постичь ни сердцем, ни разумом. Была не в силах понять, что значит жить в пустоте, видеть пустоту, хватать ее руками, ощущать в душе.

Зюлейка вернулась обратно, влезла на крышу, забралась под кошму и до утра лежала, не шевелясь, сжимая в руке флакон, который ей дал Амир. Мысли были тяжелыми, мрачными, как грозовые тучи, а в сердце будто шевелились щупальца каких-то гадких и липких тварей.

На рассвете пришлось подняться. Ноги были как ватные, руки дрожали. Девушка привычно молилась Аллаху, не понимая, что говорит. Губы шевелились, шептали слова, а разум замер, скованный невидимым льдом.

Воля Амира была страшна, но она, Зюлейка, должна ее выполнить, чтобы спасти свою жизнь. Если дядя или тетя узнают о том, что произошло, они вышвырнут ее из дому и ей некуда будет пойти. Любой мужчина получит право сделать с ней все, что захочет. Ей придется вести жизнь отверженной, падшей, опозоренной женщины. В Багдаде было немало людей, влачивших убогое существование в поисках пристанища и пропитания, пробиваясь случайными заработками. Их жизнь была более жалкой, чем жизнь бесправных рабов.

Девушка уединилась в одной из комнат, тайком достала флакон, плеснула содержимое в чашку с водой и осторожно понюхала жидкость. Нужно решиться и выпить. Через какое-то время едва зародившаяся жизнь навсегда покинет ее тело. Зюлейка представляла, как это

должно произойти. Наверное, будет больно. Но разве может стать больнее, чем сейчас, когда каждая мысль, каждый удар сердца причиняет нестерпимые муки!

— Где ты, ослица? — слышался голос Надии. — Что ты там делаешь? Отлыниваешь от работы!

— Я здесь! Сейчас приду! — отозвалась Зюлейка. Она с трудом узнала собственный голос.

Надо принять это средство. Когда оно подействует, нужно где-нибудь спрятаться и переждать, пока все не закончится. Потом придется что-то соврать.

Внезапно у девушки закружилась голова. Рука дрогнула, и часть жидкости пролилась на глиняный пол. Мгновенье Зюлейка смотрела на темный ручеек, после чего медленно вылила содержимое чашки и обратилась к ребенку, который был в ней песчинкой, крохотным зернышком, сокрытой во мраке звездой:

— Я только что уничтожила твою смерть.

[1] Врач.

Глава пятая

В последующие минуты и часы Зюлейка укрепилась в желании сохранить ребенку жизнь. Она принялась вспоминать свое прошлое, о котором прежде мало задумывалась: отца, который был столь беспечен, что не заботился о семье. Мать, которая бросила маленькую дочь на произвол судьбы, сбежала с чужим мужчиной и погибла.

Она шла по багдадским улицам и видела деревья с блестящими, словно отлакированными листьями, которые выглядывали из-за высоких белых стен с изящными прорезями ворот, узорами из разноцветных изразцов, ярких и длинных, как ковровая дорожка. Над оградами вздымались особняки со стрельчатыми арками, узкими окнами и мозаичным покрытием стен. В них жили важные мужчины и прекрасные женщины — они одевались в шелка и ели на серебре.

Зюлейка видела и другие дома, сплетенные из пальмовых циновок, обмазанные глиной и покрытые тростником. В этих кварталах пахло помоями, нечистотами, дымом, грязью. Вокруг сустились оборванные, растрепанные женщины, бегали чумазые, тощие, голые дети.

Два противоположных, разных, на первый взгляд никак не связанных друг с другом мира. А где ее мир? Где ее настоящий дом?

Зюлейка остановилась. Она должна сохранить способность радоваться жизни; что бы ни случилось, принимать ее такой, какая она есть. Она сама выбрала этот путь, значит, нужно идти по нему до конца. Не сдаваться, не бояться и ни о чем не жалеть.

Девушка выпрямила спину и ускорила шаг. Она выносит и родит ребенка. Только надо сделать так, чтобы окружающие как можно дольше не замечали произошедших с ней перемен.

Она дошла до лавки и отдала дяде обед. У Касима было хорошее настроение, и он решил поболтать с племянницей.

— Ты стала совсем взрослой, Зюлейка. Похорошела и расцвела! Пора подыскать для тебя жениха.

Девушка вздрогнула и потупилась.

— Я не хочу замуж, дядя.

Касим рассмеялся.

— Напрасно. Не век же тебе выслушивать упреки Надии!

В это время в лавку вошел покупатель, дородный господин в роскошных одеждах. Касим бросился к нему. Мужчина попросил показать женскую обувь и, перебирая туфли, исподволь разглядывал Зюлейку. Взгляд был обжигающий, тяжелый, пронизывающий насквозь. Девушка содрогнулась от неприятного чувства. Почему он так смотрит?

— Я возьму три пары туфель красного сафьяна, расшитых стеклярусом, и еще две синего шелка с бисером, если ты сбавишь цену. И покажи мужские сандалии, только выбери самые прочные.

Касим выполнил просьбу покупателя, и тот склонился над товаром.

Воспользовавшись паузой, дядя отослал Зюлейку домой, и она поспешно покинула лавку.

Когда девушка скрылась из виду, покупатель поднял голову и спросил:

— Твоя дочь?

— Племянница.

— Сколько ей лет?

— Скоро шестнадцать.

— Просватана?

— Пока нет.

— Где ее родители?

— Они давно умерли. Мы с женой воспитываем Зюлейку с двухлетнего возраста.

— Это хорошо.

— Хорошо? — Касим удивленно поднял брови. — Почему, господин?

Мужчина оглянулся. Поблизости никого не было, и он сказал:

— У меня мало времени, потому буду говорить прямо. Я поставляю девушек для богатых гаремов. Покупателей много: из Хиджаза, Бахрейна, Йемама, других провинций халифата. В основном по ту сторону пустыни — там ценят багдадских красавиц. Они становятся наложницами состоятельных людей и живут в роскоши. Не обязательно, чтобы девушка была образованна и имела высокое происхождение. Главное — внешность. Твоя племянница очень красива. Я дам за нее тридцать дирхемов.

Касим озадаченно молчал. Для такого человека, как он, тридцать дирхемов — большие деньги. Касим понимал, почему мужчина обратился именно к нему. Далеко не всякий отец отдаст своего ребенка в чужие руки, продаст его, словно товар, доверит родную плоть незнакомому человеку, дабы он навсегда увез ее в неведомые края! А племянница все же не дочь.

— Не отвечай сразу, подумай, — сказал покупатель, забирая туфли. — Я приду позже. Мой караван отходит через четыре дня. Мне удалось добыть пять девушек: теперь приходится их наряжать, чтобы смотрелись достойно. Твоя племянница выглядит как принцесса без всяких украшений — потому я и предлагаю такую цену.

Он ушел, а Касим долго не мог прийти в себя. Кто знает, удастся ли выдать Зюлейку замуж? Пока за нее никто не сватался, хотя она достигла соответствующего возраста и была хороша собой. Дурные слухи разносятся быстро — история Джафара и Лейлы была хорошо известна в квартале, их до сих пор вспоминали с осуждением и неприязнью. А Надия всегда говорила, что порвет на себе одежду зубами, но не позволит мужу дать за девчонкой хорошего приданого.

— Мы без того кормим и поим ее столько лет! — повторяла она.

Касим вернулся домой поздно вечером. Жена подала ему ужин. Багровое солнце скрылось за горизонтом, и огонь очага сиял посреди двора золотым цветком. Прохладные вечера Касим любил проводить на улице, отдыхая после жаркого дня. Он долго сидел, бесстрастно глядя в огонь, медленно зачерпывая плов, неспеша отправляя в рот и неторопливо жуя. Потом спросил жену:

— Где Зюлейка?

— Отправилась спать, лентяйка! Сказала, что у нее болит голова! Она вроде как поглупела за последнее время, к тому же еле двигается — от нее нет никакого толку!

— Пора выдавать ее замуж.

Женщина презрительно скривила губы.

— Кто ее возьмет! Все помнят, какими были ее родители! Ты еще намучаешься с ней!

— Послушай, Надия, — промолвил Касим, поднимаясь с места, — мне нужно с тобой поговорить.

Он рассказал жене о разговоре с покупателем и о его предложении. У Надии загорелись глаза.

— Тридцать дирхемов! Это большие деньги! Надеюсь, ты согласился?

— Я сказал, что подумаю. Зюлейка — живой человек, а не пара башмаков! — с упреком произнес Касим.

— Разве ей будет плохо в гареме? — нашлась Надия. — Станет жить в роскоши, какой никогда не видать моим дочерям! Если тот мужчина дает тебе тридцать дирхемов, значит, сам получит за девушку не меньше ста! Подумай, как должен быть богат человек, способный заплатить такие деньги за простую девчонку!

— Я должен сказать Зюлейке правду. Посмотрим, что она ответит, — сказал Касим.

— Пусть попробует отказаться! — воскликнула Надия и заметила: — Главное — не говорить ей про деньги.

Едва утренний свет омыл округу и солнце начало торжественное восхождение к зениту, тетка растолкала Зюлейку и велела девушке спуститься во двор.

— Дядя хочет сказать тебе что-то важное. Иди скорее, не то ему пора в лавку!

Прежде чем начать разговор, Касим прошелся взглядом по заспанному лицу племянницы, по ее стройному телу, прикрытому простой полотняной рубашкой. Зюлейка сонно моргала глазами и вздрагивала от прохладного утреннего ветерка. Да, она была красива яркой, свежей, радующей глаза красотой. Но... Никому не известно, станет ли ее красота залогом счастья. Человеческая судьба подобна дороге над пропастью в темную ночь. Только Аллах знает, что уготовано этой девушке!

Касим поведал Зюлейке о предложении незнакомого господина. Следуя совету жены, умолчал о деньгах, говорил только о том, что ее отдадут богатому человеку и у нее будут дорогие украшения и наряды.

По мере того как он продолжал свой рассказ, взгляд девушки наполнялся горечью и мукой, губы тревожно сжимались, а тело пробирала волнующая дрожь.

Едва Касим умолк, она умоляюще сложила руки.

— Дядя, прошу, не отдавай меня этому господину!

— Почему? — растерялся Касим.

— Я боюсь покинуть твой дом! Я не хочу жить у чужих людей, я желаю остаться с вами!

Надия подскочила к Зюлейке и больно дернула ее за волосы.

— Четырнадцать лет ты живешь здесь из милости! Сколько ты съела хлеба, выпила молока, и все без пользы! Сколько денег потрачено на твою одежду и обувь! Думаешь просидеть на дядиной шее до конца жизни? — И обратилась к мужу: — Не слушай ее, Касим! Пусть тот человек забирает ее навсегда! Я больше не хочу ее видеть! Неблагодарная тварь!

— Я не могу заставить ее, Надия.

— А я — могу! Что она понимает, эта девчонка! Я избью ее палкой, слышишь, уморю голодом, сживу со свету!

Касим покачал головой. Зря он сказал жене про тридцать дирхемов. Теперь она вряд ли успокоится. Зюлейке придется несладко. Улучив момент, он прошептал племяннице:

— Я целый день в лавке — у Надии развязаны руки. Она станет измываться над тобой, и я не сумею ей помешать. Подумай, дочка. Может, впрямь будет лучше, если ты уедешь?

— Я не хочу, — глухо произнесла Зюлейка.

В последующие дни тетка изводила девушку, вымещая на ней свою злость, а дядя тайком увещевал, пытаясь заставить племянницу изменить решение. Надия запретила девушке есть вместе с семьей, прогнала с крыши, велел ночевать в саду. Оскорбляла, осыпала пощечинами, толкала.

Зюлейка понимала, что дядя разочарован, и это было хуже, чем открытая ненависть тетки. Что будет, когда они узнают о ее беременности? Девушка боялась даже подумать об этом. Касим всегда был добр к ней, а она не оправдала его ожиданий. Из-за ее позора над ним станет смеяться вся улица, он может потерять покупателей. Едва ли дяде удастся удачно выдать замуж своих дочерей: тень ее поступка упадет и на них. Рано или поздно ей придется покинуть дом Касима. И лучше сделать это сейчас, пока никто не знает правды, пока окружающие считают ее порядочной девушкой.

Ей придется самой отвечать за то, что она натворила, нести это бремя — часть ее судьбы и воли Аллаха — одной.

На исходе третьего дня Зюлейка сказала Касиму:

— Дядя, я передумала. Я согласна.

Амиру всегда нравился кабинет отца. Он помнил, как приходил сюда в раннем детстве и смотрел на Хасана. Тот сидел за резным столиком с каламом[1] в руке и о чем-то думал.

Перед ним обычно лежал лист бумаги и стоял оплетенный узорами медный сосуд с двумя небольшими ручками у изящного узкого горлышка, полный прохладительного напитка.

Помещение озаряло пламя чеканной лампы, подвешенной к потолку на длинных цепочках; тени расплзались по углам, свет переливался и плескался на узорах ковров, растекался по гладкой поверхности мебели дорогого палисандрового дерева.

Отец представлялся Амиру мудрецом, который предается размышлениям и записывает важные мысли, которые приходят ему в голову под покровом позднего вечера.

Увидев сына, Хасан с улыбкой откладывал перо, позволял мальчику забраться к себе на колени и ласково проводил по его голове тяжелой и теплой рукой. Он рассказывал Амиру увлекательные истории из жизни Багдада или сказки о смелых мореходах, злых духах и прекрасных небесных девах.

А за стеной поджидала мать, которая нашептывала мальчику: «Только ты его настоящий сын, его единственный наследник, слышишь! Этот безродный никогда ничего не получит, клянусь всем, что мне дорого!»

Теперь отец говорил:

— Ты осмелился оскорбить мои желания, решил послушаться моей воли, захотел посмеяться надо мной! Я отказываюсь от тебя и лишаю права наследовать мне. Отныне у меня нет другого сына, кроме Алима. Мое имя, должность, имущество будут принадлежать ему. У тебя нет совести, значит, нет ничего. Единственное, что я могу для тебя сделать, — отправить в Хорасан, как было условлено. Надеюсь, что в Мервском оазисе, на службе у принца, у тебя не останется времени для безумных походов. Возможно, ты сумеешь заработать на пропитание и наконец-то поймешь, как должно жить честному человеку. Пусть Аллах будет милостив к тебе и направит на истинный путь.

За стеной Зухра ломала руки, мысленно заклиная Амира пасть в ноги отцу и молить о прощении. Но тот произнес, не сгибая спины, твердо глядя в глаза Хасана:

— Я не хотел смеяться над тобой. Я не желал нарушать твою волю, я следовал своей. Мне понравилась эта девушка, я тоже хочу на ней жениться. Я не считаю твоё решение справедливым, отец, и думаю, что когда-нибудь ты о нём пожалеешь!

Лицо Хасана осталось спокойным, дыхание — ровным. Только пальцы нервно крутили, ломали перо. Он угадывал помыслы сына, чувствовал его зависть, видел огонь ненасытных, темных желаний. Амир совершил шаг к открытой вражде с родным отцом столь же осознанно и твердо, как это сделал бы воин навстречу неминуемой смерти.

Выйдя из кабинета отца, молодой человек увидел младшего брата, который дожидался своей очереди. Нездешние светлые глаза Алима смотрели на Амира без осуждения и торжества, с наивным изумлением, как на диковинку. Его душа была чиста, мысли легки, он был по-детски предан отцу; этот мальчик еще не познал ни любовных томлений, ни чувства соперничества, не вкусил яда ревности, не был ранен сознанием несбывшихся надежд.

— Что смотришь? Клянусь, когда-нибудь я до тебя доберусь! Мы еще встретимся — не в этом доме, а где-нибудь в горах, в степи или среди песков, там, где нас будет видеть только Аллах! Тогда я тебя уничтожу, — грубо произнес старший брат.

— За что? — прошептал Алим.

— Ты получаешь то, что должно достаться мне, ты возвышаешься не по праву! Ты — ничтожество, сын рабыни!

— Я — сын своего отца.

Ответ юноши был полон достоинства и непривычной твердости. Прежде Алим испытывал неуверенность перед старшим братом, но теперь, похоже, воспрянул духом и расправил крылья. Амир с трудом удержался, чтобы его не ударить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.